Несущий Свет

Автор:
Андрей Валентинов

Несущий Свет

Андрей Валентинов

Око силыОко Силы. Первая трилогия. 1920–1921 годы #3

Тихие парижские улочки, горящие крымские степи, суровая большевистская Москва - и всюду Степану Косухину и Ростиславу Арцеулову противостоят сверхъестественные силы, преследующие свои тайные цели. Поиск правды приводит смельчаков в подземелья Кремля, где им предстоит встреча с тем, кто стоит за зловещим экспериментом над миллионами людей. Чем закончится для них эта встреча - смертью или бессмертием?

Андрей Валентинов

Несущий свет

Око Силы. Первая трилогия

1920–1921 годы

Книга третья

Глава 1. Амнезия

Горячий воздух струился над недвижным морем, серая дымка заволакивала горизонт, но город был уже виден. Огромный, белый, он спускался с неровной гряды поросших тусклой зеленью холмов, сбегал к еле заметной кромке берега, утыкаясь в огромные волнорезы, в темные громады доков и бесчисленные причалы, над которыми горбились уродливые силуэты подъемных кранов. Город дышал: еле заметный вначале, ровный гул усиливался с каждой минутой, уже можно было различить в нем несмолкаемую перекличку пароходных гудков и резкий вой портовой сирены.

– Марсель, мистер Косухин.

Степа Косухин, не оглядываясь на соседа, высокого толстого англичанина, так и просившегося на агитационный плакат, разоблачающий происки мирового империализма, кивнул, достал пачку нестерпимо дорогих папирос и с отвращением закурил.

Папиросы Косухину не нравились. Он заплатил бы втрое дороже за «Атаман» или «Дюшес» и даже за пачку пайковой махорки. Но махорки в буфете не оказалось. Курильщики могли выбирать между дюжиной сортов дорогих толстенных сигар и не менее дорогими папиросами. Степа злился – недобитая контра Ростислав Арцеулов подсунул красному командиру изрядную свинью. На сам пароход жаловаться не приходилось, но интеллигент Арцеулов в звериной злобе к представителю победившего пролетариата приобрел Косухину билет не в демократическом и общедоступном третьем классе, не в мелкобуржуазном втором и даже не в откровенно буржуйском первом – недорасстрелянный колчаковец купил билет в классе «люкс». В горячке сборов Степа, простая душа, не обратил на эти тонкости внимания. И зря!

Не успел Косухин вступить на борт «Маргариты» и предъявить билет, как его приветствовал лично капитан – настоящий морской волк: старый, с седыми усами и в ослепительно белом кителе. Дабы Степа ничего не спутал, молодой офицер в таком же белом кителе поспешил изложить сказанное капитаном на вполне приличном русском языке. Косухин пробормотал: «Сэнкью», – и попытался исчезнуть в глубине корабельных лабиринтов, но не тут-то было. Тот же молодой офицер вручил «мистеру Косухину» большую корзину, из которой нагло выглядывала бутылка буржуйского вина «Шампанское» и букет отчаянно пахнущих цветов – подарок от пароходной компании. Но и после этого Степу не отпустили, а отвели в каюту, которая оказалась целой квартирой из двух комнат

с роскошной мебелью, персидским ковром и даже канарейкой в клетке. Корабельный лакей, именуемый здесь «стюардом», показал ему апартаменты и на ломаном русском предложил канарейку убрать и заменить попугаем. Тут уж Косухин не выдержал, потребовав оставить в покое канарейку, а заодно и его самого.

Ясное дело, неприятности на этом не кончились. Завтрак и ужин ему приносили в каюту, а обедать приходилось в салоне, причем Степино место оказалось через один стул от капитана. Рядом с Косухиным был усажен русскоговорящий помощник, дабы развлекать знатного гостя непринужденной беседой на родном языке.

Весь рейс Косухин чувствовал себя отвратительно. С соседями – сверхбуржуями, обитавшими в каютах «люкс», он из принципа (а равно как из разумной осторожности) не общался. Особы попроще – первого и второго класса, вежливо раскланивались, но подходить к столь важному пассажиру не решались. Немного придя в себя, Степа рассудил, что белый гад Арцеулов поступил абсолютно верно – плыть классом «люкс» куда безопаснее, чем в пролетарском третьем. В буржуазном обществе, как твердо усвоил Косухин, закон на стороне богатых, а значит подозрений у вездесущей полиции будет меньше. Степа понемногу успокоился, научился вежливо отвечать на приветствия пассажиров и начал скучать.

Дело было труднопоправимым. На пароходе играли в бильярд, в карты и даже – полулегально – в рулетку. Рулетку и карты Степа отбросил сразу. Оставалось набивать руку на бильярде, чем Косухин и занимался в нескончаемо долгие вечера после ужина. На корабле имелась библиотека, но книжки в ней были на каких угодно языках кроме русского. Зато там обнаружился альбом Николая Ингвара, и Степа часами просиживал на палубе, разглядывая странные, ни на что не похожие работы художника. Одна из скучающих дам попыталась вовлечь Косухина в искусствоведческую беседу, но говорила она по-французски, и Степа ограничился тем, что принес из каюты несколько рисунков, подаренных Николаем Константиновичем. Увидев их, дама обомлела, выдохнула: «О-о!» – и поспешила отстать от таинственного русского миллионера – ценителя современной живописи.

Итак, «Маргарита» подходила к Марселю. Все, что можно, Степа уже предусмотрел. Русскоговорящий помощник капитана, узнав, что «мистеру

Косухину» необходимо в Париж, причем как можно быстрее, заказал по радио билет на поезд, а заодно и такси, что отвести его от пристани аккурат на вокзал. Степа, языков не знающий, попросил также помочь составить телеграмму Валюженичу, так что особых забот у него не оставалось, по крайней мере, до Парижа.

Марселя Степа так и не увидел. У трапа его встретил юркий молодой буржуй в клетчатом костюме – агент железнодорожной компании, вручил билет и усадил в такси. Парижский поезд отходил через полчаса.

Степа пришел в себя только в купе. За окном мелькали белые аккуратные домики марсельских предместий, с вершин окрестных холмов тянуло вечерним холодком, колеса равнодушно отстукивали километр за километром, а Косухин все не мог поверить, что земля, по которой несет его чистый, новенький, не в пример российским, поезд – Франция. Это уже было слишком – Синьцзян, Тибет, Индия, бескрайний зеленый океан – и теперь Париж.

Чтобы отвлечься, Степа еще раз перебрал пункты своего плана: Тэд, улица Гош-Матье, Карл Берг, Наташа… Впрочем, о Наташе он старался не думать. Где-то по Парижу бродит поганец и трус Гастон Сен-Луи – законный Наташин жених, а и ему самому надо спешить в Россию… Главное – брат! Главное, чтобы таинственный «Пространственный Луч» не подвел, и полковник Лебедев, командир эфирного корабля «Владимир Мономах – 2», сумел вернуться с неведомой Тускулы на родную землю. О большем Степа и не мечтал.

…Он проснулся ночью – мгновенно, словно от толчка, вытер вспотевший лоб, оглянулся. Сон… Ему привиделось что-то страшное… В купе было пусто, колеса поезда продолжали деловито стучать, но страх не проходил. Косухин включил ночник – маленькую лампочку у изголовья, сел на койку и закурил. Внезапно сквозь теплынь майской ночи повеяло холодом. Степа вскочил, еще раз оглядел пустое купе… Мало ли что приснится, в конце концов? Он покачал головой и без всякого удовольствия взглянул на свою небритую физиономию, отразившуюся в роскошном, в полный рост, зеркале.

– Хорош, чердынь-калуга! – пробормотал Степа – и замер.

Все было по-прежнему. Он стоял посреди купе, под ногами стучали колеса, тускло горел ночник, а из зеркала на него глядело отражение – чужое… Все еще не веря, Косухин помотал головой…

…На Ксении Арцеуловой была черная офицерская форма. Ярким серебром горел Георгиевский крест. Серые глаза смотрели прямо, и от этого взгляда Косухину стало не по себе.

– Здравствуйте… – прошептал он, но лицо женщины осталось недвижным. Степа зажмурился – а когда вновь взглянул, лицо исчезло.

– Фу ты!.. – успел выдохнуть Степа, но тут же вновь замер, сообразив, что в зеркале ничего нет. Он бросился вперед, чуть не ткнувшись в стекло лбом, но гладкая поверхность отражала лишь пустое купе с горящим ночником. Но вот из глубины, стало медленно проступать лицо – снова чужое и тоже знакомое. Степа закусил губу – на него смотрел профессор Семирадский, такой же, каким запомнился при жизни, только глаза, обычно веселые и беспокойные, были теперь странно недвижны и тусклы.

И вдруг Косухин начал понимать.

– Что… что случилось?

Лицо Семирадского дрогнуло и начало на глазах меняться. Волосы и борода потемнели, густые брови сдвинулись к переносице, и Степе показалось, что он вновь стоит на лютом январском морозе посреди старого кладбища. Сквозь зеркало на него смотрел генерал Ирман…

– Что… случилось? – еле слышно повторил Косухин, но зеркало молчало. Мертвое лицо начало медленно исчезать, растворяясь в полумраке. Еще мгновение зеркало оставалось пугающе пустым, а затем там появилось то, чему и надлежало быть – сам Степа, бледный, взъерошенный, с закушенной нижней губой…

Косухин глубоко вздохнул и без сил опустился на край койки. Надо было жить дальше. В конце концом, все это могло быть бредом, сном, видением…

«А если нет? – мелькнуло холодная и страшная мысль. – Если я действительно видел… Ксения, Семирадский, Ирман… Зачем?»

Ответ был один. Они – по своей либо по чьей-то иной воле – приходили о чем-то сообщить. Сообщить – или предупредить… А вот о чем именно, Степа даже боялся подумать.

Он лег, выключил ночник и, усилием воли заставив себя обо всем забыть, заснул мертвым сном без сновидений…

Утро было ярким, за окном мелькали протянувшиеся на многие километры парижские пригороды, и Косухин поспешил привести себя в порядок. У него еще будет время поразмышлять. Сейчас – Париж!

Толпа запрудила перрон, но Валюженича он узнал сразу. Тэд, наряженный в совершенно буржуйского вида клетчатый костюм с розаном в петлице, стоял рядом с каким-то пухлым коротышкой и, вытянув худую шею, всматривался в окна тормозящего состава. Косухин рассмеялся и помахал ему сквозь открытое окно. Валюженич заметил, подпрыгнул от неожиданности и устремился к дверям.

– Оу! Стив! Ай эм… Глэд… Бардзо…

Отхлопав Степу по спине, американец выдохнул воздух и отчеканил:

– Товарищ Косухин! Позволь… э-э-э… витать тебя в Париж – метрополи оф будущей мировая революция!

– Вот это хорошо! – солидно одобрил Степа. – Ну, привет, акэолоджи! Как ты, не закис?

Между тем оказавшийся тут же пухлый толстячок уже тянул Степин чемодан. Тэд помог отнять багаж у сопротивлявшегося Косухина и кивнул:

– Стив, это есть май френд Шарль Карно – потомственный пролетарий.

Степа с изумлением взглянул на «потомственного пролетария», но коротышка Шарль улыбнулся, и Косухин решил не углубляться в классовые проблемы, после чего все трое стали продираться через толпу к подземному переходу.

– Шарль майже не разумеет по-русски, – сообщил между тем Тэд. – Бат добже знает латыну, грецьку та чайниш.

Степа с уважением поглядел на знавшего загадочный «чайниш» Шарля, тогда как тот, сообразив в чем дело, закивал и наконец уверенно произнес:

– Это… это не есть важно.

Степа взглянул на «пролетария» с удивлением, но уточнять не стал. Между тем, пройдя бесконечными лабиринтами, они вынырнули на гигантскую привокзальную площадь, где стояли, ожидая пассажиров, долгие ряды разнообразных авто. Шарль огляделся и уверенно кивнул в сторону чуть ли не самого роскошного из всех – большого белого автомобиля, возле которого суетился шофер в кожаном пиджаке и таком же картузе.

«Хорош пролетарий!» – усмехнулся Степа, покуда его чемодан размещали в багажнике, а его самого, словно последнего буржуя, усаживали на заднее сидение. Убедившись, что все расселись, Карно произнес: «Огюстен!» – и шофер, даже не спрашивая адреса, тронул машину с места.

– То, Стив, як я нау спик рашен, то есть по-русски? – не без гордости поинтересовался Валюженич.

– На все сто, чердынь-калуга! – подбодрил приятеля Степа. – А чуток подучишь – на две сотни будет!

– Это не есть важно, – вновь повторил Карно и пристально взглянул в глаза Косухину.

– Бат вай, чердынь-калуга? – от удивления Степа перешел на иноземную речь.

– Стив, ты помнишь мистера Цонхава? – ответил вместо Карно Тэд. – Мы размовлялы…

– Не помню, – вздохнул Косухин. – Я же тогда в Шекар-Гомпе был! Но мне Славка рассказывал…

– Сома дэви! – внезапно произнес Карно, а затем заговорил по-французски – медленно, выделяя каждую фразу. Косухин вздрогнул. В памяти всплыли слова старика в пещере… Он заставил себя сосредоточиться, вслушиваясь в непонятную ему французскую речь, и вот, словно откуда-то из глубины, начал проступал смысл слышанного.

– Слушай, слушай внимательно, Степан, – говорил Карно. – Я тоже приобщен к этому ритуалу. Сома дэви – напиток богов, и это не самое великое из того, что мы теперь с тобой можем…

– К-кажется… я это… понимаю, – проговорил пораженный Степа. Шарль улыбнулся, кивнул и тут же отбросил всякую важность.

– Ну в таком случае, как говорит наш друг Тадеуш – о'кей! Мы сможем с тобой общаться без всяких переводчиков, Степан. Нужно лишь каждый раз немного сосредоточиться.

– Ой, ребята, давайте о другом, – вмешался Тэд. Теперь он говорил по-французски, но понимать Степе было куда проще, чем расшифровывать его обычный русско-польско-английский суржик. – Шарль, Стив никогда не был в Париже!

– Да, конечно, – усмехнулся Карно, и, обернувшись к шоферу, бросил: – Огюстен, в центр…

Больше двух часов Косухина возили по Парижу, представляя обалдевшему красному командиру чудеса столицы мира. Степа лишь неуверенно повторял вслед за Шарлем: Л'Арк Триомф, Сакр-Кер, Ситэ, Нотр-Дам… Тур д'Эфель добила его окончательно. Косухин желчно завидовал: в пролетарской Столице ничего похожего пока не было – и не намечалось. Наконец, они пообедали втроем в уютном кафе, которое, как пояснил Шарль, находится в районе Монпарнас и где вечерами бывают какие-то знаменитые художники.

…Слово «Монпарнас» крепко засело у Косухина в голове. Где-то здесь, на Монпарнасе, живет генерал-лейтенант Аскольд Богораз, отец вечно кашлявшего

притворщика Семена…

– Сейчас завернем ко мне, – говорил Шарль, покуда они курили черные, незнакомые Степе, папиросы «Галуаз». – Отдохнем, а там надо разработать для нашего гостя программу. Лувр, Мэзон д'Инвалид… Версаль, конечно. Там, Степан, французские короли жили…

– Ах, короли! – классовое чутье наконец-то проснулось, и Косухин с подозрением воззрился на пухлого самоуверенного Карно. – Слышь, Шарль, а чего это тебя Стив пролетарием назвал? Да еще потомственным?

Карно и Валюженич удивленно переглянулись.

– Оу! – сообразил Тэд. – Стив, я перепутал! Этот жаргон… Я хотел сказать, что Шарль – из семьи потомственных революционеров.

Это было ничуть не лучше, скорее наоборот.

– Его прапрадед был командующим армией французской революции. Лазарь Карно работал вместе с Робеспьером.

О Робеспьере Степа, конечно, слыхал и воззрился на Шарля с явным уважением.

– Да, он был кем-то вроде Троцкого, – кивнул Карно. – Кое-кто до сих пор не может простить нашей семье, что Лазарь Карно голосовал за казнь короля. Моего деда убили за это…

– Ты что? – Степа сочувственно покачал головой. – Во гады! А дед твой, он кто – тоже революционер был?

– Сади Карно был Президентом Французской республики, – пояснил Валюженич, после чего у Степы отпала всякая охота расспрашивать дальше.

– Ладно, – прервал молчание Карно. – Поехали все же ко мне. Мой будет рад с тобой познакомиться. Не волнуйся – он не президент Франции – всего лишь сенатор.

С точки зрения Степы немногим лучше, но он вежливо промолчал, а затем выразительно поглядел на Тэда.

– Мы зайдем к тебе завтра, Шарль, – понял его Валюженич. – Сейчас у нас со Стивом есть важное дело…

– Ну конечно! – возмутился Карно. – Сейчас вы будете разглядывать находки из Шекар-Гомпа! Я всегда знал, что американцы бесцеремонны, а русские – те же американцы, только голодные и небритые…

Тэд проигнорировал эту шовинистическую реплику, после чего Шарль распрощался и укатил вместе с молчаливым Огюстеном, категорическим тоном заявив, что ждет их завтра к пяти.

– Вот его бы в Шекар-Гомп!.. – не без злорадства заметил Косухин, проводив взглядом наглого буржуя.

– Шарль прекрасно дерется, – возразил Валюженич. – Он уже собирался ехать мне на выручку, но я вовремя дал телеграмму из Морадабада…

– И все одно – буржуй! – рассудил Степа. – Ладно, Тэд, рассказывай…

Валюженич взглянул на Степу как-то странно и нерешительно проговорил:

– Понимаешь, Стив, кое-то случилось…

– Как? – обомлел Степа. – Чего ж ты молчал, не писал? С кем случилось? С Наташей?

– Ну…

Валюженич начал говорить, но Степа то и дело был вынужден останавливать приятеля. Понимать Тэда стало сложно. Без Шарля Карно таинственная сила, позволявшая разбирать чужую речь, сразу ослабла.

– Я не пил сома дэви, – пояснил Валюженич. – Тут нужен тот, кто овладел этой силой – как мистер Цонхава, или Шарль…

Наконец Степа как-то приспособился, и смысл сказанного стал вновь понятен. Тэд прямо с вокзала доставил Наташу на улицу Гош-Матье и сдал с рук в руки господину Карлу Бергу, а на следующий день девушке стало плохо – приступ какой-то странной болезни свалил ее в первую же ночь после приезда в Париж.

– Я не писал вам, – вздохнул Валюженич. – Вы были с Ростиславом далеко. Помочь – ничем бы не помогли… Сейчас ей лучше, но… Стив, она ничего не помнит! Понимаешь – ничего! Амнезия!

– Что? – Косухин подумал было, что он вообще перестал понимать Тэда. Тот напрягся и заговорил по-русски:

– Амнезия – то колы человек все забывать. Травма мозкова, то… понимаешь?

– Да говори по-английски! – прервал Косухин. – Только медленно…

– У нее было что-то вроде воспаления мозга. Врачи говорят, что это результат нервного потрясения. Когда Наташа пришла в себя, то забыла все, что было с ней за последний год, после того как она уехала из Парижа. Сейчас она здорова – но меня не помнит. Я говорил с ней…

Тэд замолчал, Косухин же все еще не верил. Амнезия – он слыхал о таком, но какая-то странность была во всем случившемся. Нервное потрясение? В Шекар-Гомпе и позже, в Индии, Наташа была спокойна и даже временами весела – куда веселее его самого. Если бы с ней и вправду было что-то не в порядке, это заметили бы сразу – или после, на пароходе…

– Меня просили не встречаться с нею, – продолжал Валюженич. – Я видел ее потом пару раз издалека – вместе с этим Сен-Луи…

Тон, которым было произнесено имя Наташиного жениха, был настолько недвусмысленным, что Степа взглянул на Тэда – и понял если не все, то многое. В душе шевельнулось какое-то неведомое доселе малоприятное чувство.

– Вот так, Стив, – вздохнул американец. – Прежде чем поедешь к господину Бергу, ты должен это узнать. Меня просили передать всем, кто был с Наташей эти месяцы, чтобы они ей ничего не рассказывали. Врачи считают, что это

опасно…

Косухин не ответил. Наташа все забыла! Иркутск, кошку Шер, штурм дома на Трегубовской, серых тварей, обступивших старую церковь, взлетевшую в небо стрелу «Мономаха», Шекар-Гомп… Это казалось невероятным и страшным.

– Наверное, ее психика не выдержала, – тихо проговорил Тэд.

– Психика, чердынь-калуга! Искалечили человека!.. – буркнул Степа и вновь умолк, не желая покуда углубляться в обсуждение этой новой, неожиданной беды. – Ладно, понял… Тэд, а этот Карл Берг – как он тебе?

– Оу, мистер Берг – важный человек! И очень мрачный…

– Важный, – повторил Косухин. – Стив, а о Николае… О моем брате. Ты… Не спрашивал?

– Хотел, но затем вспомнил все эти ваши игры в секретность…

– Да, – кивнул Степа, вставая. – Ты прав. Сам спрошу.

Косухин хотел ехать на улицу Гош-Матье сразу, но Тэд уговорил подождать, пояснив, что Берг днем обычно уезжает по своим научным делам и застать его можно лишь вечером. Степа согласился, Тэд поймал такси, и они отправились на левый берег Сены, где в небольшой квартирке на шестом этаже огромного нового дома обитал археолог.

Квартира Тэда была завалена книгами, кипами исписанной бумаги и, разумеется, всяческими «артефактами» – от уже знакомых Степе тибетских рукописей до ржавого оружия и даже чучела крокодила, выкрашенного отчего-то в желтый цвет. Особенно много было в квартире всяческих идолов, мелких, но весьма жутковатого вида. В углу были свалены несколько кирок, лопаты и дюжина ножей.

Все это показывалось Степе с соответствующими комментариями. Косухин качал головой и напряженно думал, является ли наука «акэолоджи» полезной для

мирового пролетариата – или бедняга Тэд по классовой несознательности посвятил жизнь очередной буржуйской глупости.

…Несмотря на все уговоры, Косухин решил ехать к Бергу сам. В конце концов Валюженич сунул Степе несколько десятифранковых бумажек и, вырвав из блокнота листок, аккуратно написал по-французски два адреса – Карла Берга и собственный, дабы Степа мог показать их таксистам. Ясное дело, пользоваться необычным даром в присутствии посторонних не стоило, и Косухин решил общаться в городе, как и полагалось иностранцу, жестами и мимикой. Валюженич вновь поймал такси, Косухин смело бросил «бон суар» в ответ на приветствие шофера и сунул тому бумажку с адресом Берга.

Улица Гош-Матье оказалась почти полностью застроенной двух– и трехэтажными особняками с решетчатыми металлическими оградами, из-за которых выглядывали зеленые кроны высоких каштанов. Дом, в котором обитал Карл Берг, был им под стать – двухэтажный, с нешироким фасадом, узкими, под старину, окнами и высоким крыльцом. К удивлению Косухина, в окнах не было света, хотя в соседних домах уже горело электричество.

Отпустив авто, Степа секунду постоял в нерешительности, сообразив, что полностью безоружен и суется к неведомому ему Бергу без всякой разведки (не считать же разведкой визит Тэда!). Он мотнул головой, отгоняя странную неуверенность, взбежал по ступенькам и уже поднял руку к электрическому звонку, как вдруг знакомая волна холода охватила его. Пальцы онемели, кровь застучала в висках, и тихий, еле уловимый голос позвал:

– Косухин… Косухин… Косухин…

Степа отдернул руку, быстро оглянулся, но на улице ничего не изменилось. Дом был тих и спокоен. Косухин потер ладонью лицо, вновь оглянулся и решительно нажал кнопку звонка.

Дверь долго не открывали. Степа хотел позвонить вновь, но внезапно створка распахнулась, и на пороге возник человек в черном смокинге. Пустые холодные глаза уставились на Косухина без всякого выражения, безразличный голос произнес: «Мсье?»

– Я… Мне к господину Бергу, – рубанул Степа, решив, что здесь должны понимать по-русски.

Человек в смокинге не двигался. Степа машинально окинул взглядом крепкую фигуру, заметив, что одежда незнакомца на левом боку подозрительно оттопыривается.

– Передайте – я Степан Иванович Косухин, – вновь заговорил он, с сожалением подумав, что кроме расчески иного средства защиты с собой не захватил.

Дверь закрылась. Потянулись минуты ожидания. У Степы мелькнула недостойная мысль улизнуть, пока есть еще время, но он не дал этой мысли разгуляться, дождавшись, пока дверь вновь отворилась. Тип в смокинге окинул гостя все тем же равнодушным взглядом пустых глаз:

– Заходите, сударь.

На этот раз он говорил по-русски.

Степа вошел, оказавшись в полутемной прихожей, завешенной почти неразличимыми в полумраке картинами. Из темноты появился еще один тип, как две капли воды похожий на первого: тот же смокинг, тот же равнодушный взгляд, тот же револьвер на боку, разве что ростом повыше и в плечах пошире.

– Прошу за мной, сударь, – проговорил первый и направился вглубь дома. Косухин с самым невозмутимым видом последовал за ним. Второй смокинг пристроился сзади.

В коридоре было темно, но откуда-то сбоку лился неяркий свет. Идти приходилось с осторожностью, чтобы не наткнуться на комоды и шкафы, загромождавшие проход. Провожающий стал подниматься по лестнице, ведущей на второй этаж. Тот, что сзади, не отставал, и Косухин чувствовал себя не особо уверенно, утешаясь тем, что в каждом доме свои порядки. Может, этот Берг налетчиков боится?

Поднявшись по лестнице, Степа оказался перед высокой дверью. Первый смокинг неслышно приоткрыл ее и кивнул:

– Вас ждут…

В комнате было темно, хотя и не так, как в коридоре: в окно лился неяркий вечерний свет. У окна стоял огромный стол, слева и справа застыли, поблескивая стеклами, высокие, до потолка, шкафы, скрывавшие ряды книг, на полу лежала медвежья шкура. Стол был заставлен странного вида приборами, о назначении которых Степа не мог и догадываться. Там же лежал большой старинный фолиант, раскрытый приблизительно посередине.

Берг стоял у окна – огромный, высокий, широкоплечий. Налитое силой тело обтягивал такой же черный смокинг, как и на других обитателях этого странного дома. Когда он обернулся, Степу поразило лицо – необыкновенно бледное, словно Наташин дядя страдал малокровием или пользовался пудрой. Черные глаза смотрели спокойно, без малейшего удивления.

– Господин Косухин? Прошу садиться. Чем могу служить?

Голос у Берга оказался под стать фигуре – громкий, басовитый, и даже негромкий тон не мог скрыть его мощи.

– Я… – начал было Степа, присаживаясь на высокий, с резной спинкой стул.

– …Насколько я знаю, знакомый Натальи Федоровны, – прервал его Берг. – Как сообщил мне господин Валюженич, вы были вместе с нею в Индии. Благодарен вам, сударь, за внимание, но должен сообщить, что Наталья Федоровна нездорова, поэтому ваш визит представляется излишним. Напоминания о пережитых страданиях не пойдут ей на пользу…

Косухин сидел, сжавшись в комок. Берг подавлял, его огромная фигура нависала горой, и Степа чувствовал себя крайне неуютно, словно и в самом деле в чем-то провинился.

– …Поэтому, сударь, еще раз благодарю за внимание к нашей семье и на этом прошу завершить свой визит.

– Ну, это я понял, – Степа наконец-то собрался с силами и встал. – Только у меня к вам еще одно дело…

Берг никак не реагировал, всем своим видом показывая, что пребывание гостя в его кабинете и так затянулось.

– Какое же дело, сударь? – теперь голос звучал громче, в нем чувствовалось раздражение.

– Рцы, мыслете, покой, – рубанул Косухин, вспомнив странный пароль, который когда-то услыхал посреди утонувшего во тьме кладбища. – Я по поводу «Мономаха»…

Берг секунду-другую молчал, затем медленно опустился в огромное кресло. Темные глаза смотрели на Степу не мигая, но в этом взгляде по-прежнему не чувствовалось ничего, даже легкого любопытства.

– Какое отношение, сударь, все это имеет к вам?

– Я брат полковника Лебедева.

Черные глаза на миг вспыхнули, но в них и теперь не было любопытства – в них горел гнев.

– Значит, вы – Косухин, комиссар Челкеля? Забавно…

«Интересно, а за кого он меня раньше принимал? – удивился Степа. – Ведь я же, чердынь-калуга, сразу назвался!»

– В таком случае попрошу вас немедленно покинуть этот дом. Я не приемлю теории и практики господ большевиков. Вы и вам подобные – хуже чумы! Уходите!..

– Я уйду! – Степан старался говорить как можно спокойнее, но теперь уже проняло и его. – Но сначала вы сообщите мне, господин Берг, что случилось с моим братом!

– У меня нет сведений о полковнике Лебедеве, – тихо и как-то устало проговорил Берг. – Ни он, ни господин Богораз не выходили на связь. Тускула молчит. Это все, что я могу вам сообщить…

Степе показалось, что в комнате внезапно стало совсем черно. Николай не вернулся!..

– Хотя и не разделяю ваших политических симпатий, все же считаю своим долгом выразить свое сочувствие. Надеюсь, все же, что господин Лебедев еще выйдет на связь, и вы сможете встретиться с братом…

Тон был ледяным, и Степе стало еще тяжелее. Берг стоял у стола, огромные руки лежали на раскрытой странице древней книги, и вдруг Косухин заметил: на указательном пальце Берга тускло сверкнул большой тяжелый перстень. Хозяин дома уловил его взгляд – рука исчезла за спиной. Впрочем, эту мелочь Степа приметил лишь мимоходом. Он все еще не мог осознать случившегося – брат не вернулся.

– Я… хочу… Я вам не верю! У вас должна быть система связи! Этот… «Пространственный Луч»! Вы должны знать, что случилось с «Мономахом»!

– Я не обязан отвечать на подобные вопросы, но, если настаиваете, объясню. Связь с «Мономахом» велась с земли – с полигона Челкель. Из того, что мне успела рассказать Наталья Федоровна, я понял, что рубка управления взорвана и связь, естественно, прервалась. Установка, о которой вы упомянули, должна заработать в случае благополучного прибытия «Мономаха» на Тускулу. Одно из двух: или господину Богоразу не удалось наладить ее, или случилось нечто худшее. Нам с вами, господин Косухин, остается лишь ждать.

– Ладно, – Косухин мотнул головой. – Буду ждать. А сейчас я хочу видеть Наташу… Наталью Федоровну. Я должен знать, что с ней все в порядке.

– Я уже говорил вам, сударь!.. – посуровел Берг.

– А я уже слышал! Я ничего не буду это… напоминать. Познакомьте нас, будто я ваш гость и все. Хочу увидеть, что она здесь и жива.

Берг на мгновение задумался, затем нажал кнопку вмонтированного в крышку стола электрического звонка. Дверь кабинета бесшумно растворилась, на пороге возник тип в смокинге.

– Где сейчас Наталья Федоровна?

– Они с господином Сен-Луи собираются в театр.

– Пригласите…

Косухин повернулся к двери и замер. Минута, другая – и вот в коридоре послышались быстрые шаги. Во рту у Степы пересохло. Секунда – и Наташа уже была в кабинете. На ней оказалось роскошное вечернее платье, на шее сверкало большими камнями колье. Девушка ничуть не походила на себя прежнюю. Встреть Косухин такую – то и не оглянулся бы. Обычная дворяночка…

– Что случилось, дядя? Добрый вечер, сударь!…

Последнее, естественно относилось к Степе. Сказано это было так, словно в кабинете Карла Берга появился новый предмет мебели.

Между тем в кабинет вслед за Наташей вошел невысокий брюнет с пухлым брюшком и весьма заметной проплешиной. Вид у него был сонный и одновременно высокомерный, особенно после того как его взгляд упал на гостя.

– Прошу знакомиться, – спокойно, но с еле заметной иронией бросил Берг. – Господин Косухин, наш гость из Большевизии. Моя племянница Наталья Федоровна. Гастон де Сен-Луи, ее жених.

– Вы из России? – Наташа поглядела на Степу с искренним любопытством и протянула ладонь, которую тот нерешительно пожал. – Вы, наверное, офицер? Мой дядя телефонировал каким-то офицерам…

Косухин сглотнул, не зная, что ответить. Между тем мсье де Сен-Луи с явной неохотой протянул руку, затем подумал – и Степа внезапно сообразил, что ему предлагают для рукопожатия два пальца.

– Гастон! – Наташа и сама заметила это, но Сен-Луи лишь улыбнулся, окинув Степу с ног до головы взглядом, в значении которого трудно усомниться. Кровь ударила в голову. Косухин тоже протянул руку – и подал Гастону один палец. Тот дернулся – и убрал ладонь, затем что-то шепнул девушке. Та нерешительно

кивнула:

– Господин Косухин… Дядя… Извините, мы спешим.

Степа молчал, сил хватило лишь на то, чтобы кивнуть в ответ. Уже в дверях Наташа оглянулась. Взгляд девушки скользнул по комнате, на миг остановился на Степе. Косухин вздрогнул. Если Наташа действительно собиралась в театр, то настроение ее было не из самых подходящих: в ее глазах плавал страх…

Подождав, пока стихнут шаги в коридоре, Берг выглянул в окно, а затем повернулся к гостю:

– Итак, вы убедились. Наталья Федоровна здорова, но совершенно не помнит ни вас, ни того, что было в последние месяцы. Еще раз прошу не напоминать ей об этом и, лучше всего, оставить ее в покое. Если будут новости о господине Лебедеве, я вас извещу.

«Интересно, чердынь-калуга, как это он меня известит? – думал Степа, покуда молчаливый лакей в смокинге провожал его к выходу. – Он ведь и адрес-то мой не спросил! Вот гад!»

То, что господин Берг не говорил всей правды, было ясно. Он, конечно, знал, кто такой Косухин с самого начала, иначе не стал бы беседовать с ним о «Мономахе»… Впрочем, трезво рассуждать Степа был не в силах. Пропал Николай – по сравнению с этим даже поганая рожа талантливого физика Гастона де Сен-Луи казалась обстоятельством абсолютно второстепенным.

И еще одна мысль не давала покоя. Какая-то мелочь, на которую он вначале не обратил внимания. Степа перебрал еще раз подробности встречи в полутемном кабинете – и тут его осенило. Перстень! Перстень на руке Берга! Большой серебряный, так похожий на тот, что был у Арцеулова! Но ведь Славка дал его брату перед стартом! Правда, Степа видел перстень лишь секунду, не больше, но зачем тогда Бергу так поспешно его прятать?

…Стемнело. Улица Гош-Матье была почти пустынна. Степа, плохо знавший местность, с трудом вспомнил, откуда подъехало такси, и побрел в ту сторону,

надеясь выйти на более людную магистраль и там поймать авто, чтобы добраться до квартиры Валюженича. Он шел медленно, не обращая внимания на происходящее вокруг. Внезапно его внимание привлек смех: на тротуаре, возле большого черного автомобиля, стояло четверо совершенно буржуйского вида молодых людей, перебрасываясь фразами на непонятном Степе французском языке. У всех явно было превосходное настроение. Когда Косухин поравнялся с ними, один из четверки ленивым движением достал из кармана большой портсигар, вынул папироску и хлопнул себя по карману, вероятно, в поисках спичек. На лице у буржуя появилось легкое разочарование, но тут его взгляд упал на Степу. Курильщик сделал жест, понятый всем, вдыхающим никотиновый дым, без всякого перевода. Косухин вздохнул и полез в карман за спичками. Когда он поднес огонек к папиросе, то внезапно заметил взгляд одного из четверки. Тут тоже не требовался переводчик. Степа резко отпрянул назад, но поздно: курильщик отбросил папиросу, и его ладонь метнулась прямо к Степиному горлу. Косухин успел взмахнуть рукой, пытаясь задержать удар, но тут кто-то из стоявших рядом выбросил вперед руку с кастетом.

«Как мальчишку взяли!» – мелькнула последняя мысль, и все исчезло.

Глава 2. Святыни логров

Вначале он услышал гул мотора и почувствовал легкий запах бензина. Болела голова, кисти, стиснутые наручниками, затекли и ныли. Степа понял, что сидит на заднем сиденье авто, стиснутый с двух боков и лишенный всякой возможности к сопротивлению. Ноги, правда, были свободны, но в данном положении они годились лишь на то, чтобы наступить кому-либо из похитителей на мозоль.

– Поручик, он жив?

– К сожалению. Эти большевистские паскуды живучи, словно кошки.

– И все-таки – проверьте пульс.

Говорили, естественно, не на французском, а на самом обыкновенном русском языке, и Косухин горько пожалел, что напрочь потерял столь необходимую бойцу Мировой Революции классовую бдительность.

Чья-то рука легко сжала запястье.

– Как у младенца, господин капитан!

– По-моему, он уже пришел в себя, – уверенно предположил третий голос. – Взгляните господа – веки дергаются. Господин чекист, можете не притворяться!

Косухин никак не реагировал, и кто-то сильно ударил его по лицу.

– Прекратите, поручик! – голос внезапно стал злым и резким. – Не смейте бить пленного!..

Играть в прятки было бессмысленно, и Степа открыл глаза. Он не ошибся – его везли в том самом черном автомобиле. Шторки на окнах салона оказались опущены, но сквозь переднее стекло можно было увидеть освещенную фарами дорогу, вдоль которой мелькали выхваченные неровным светом силуэты деревьев.

– Очухались, ваше комиссарское превосходительство? – спросил поручик, сидевший, как выяснилось, слева. Он был молод, даже моложе Степы, но юное лицо пересекал глубокий рваный рубец.

Косухин решил не отвечать.

– Ничего, у генерала разговорится, – заметил тот, что был за рулем. – Господин капитан, разрешите мне его лично ликвидировать. Должок имеется…

– Это не ко мне, Сергей, – отозвался капитан, сидевший справа. – Никогда не занимался… ликвидацией.

– Тогда выдадим этому типу револьвер и устроим техасскую дуэль, – предложил тот, кто сидел рядом с шофером. – Извините, Виктор, это ваше чистоплюйство…

Разговор был не из веселых, но Степа заставил себя думать о другом. Эта четверка – явные беляки, видать, еще совсем недавно воевавшие против трудового народа где-нибудь на Дону или за Байкалом. И действуют они не без подсказки господина Карла Берга. Все становилось на свои места. Косухин вспомнил полный страх взгляд Наташи. Она знала, потому и пыталась намекнуть по поводу «офицеров»…

Авто резко свернуло в лес, прокатилось сотню метров по узкой просеке и выехало на поляну. Блеснул свет фар – еще один автомобиль стоял неподалеку.

– Аскольд Феоктистович ждет, – констатировал капитан. – Поспешим…

Степа мельком обратил внимание на столь редкое имя-отчество. Оно показалось знакомым, но соображать было некогда – Косухина вытащили из машины и повели навстречу выходившему из другого автомобиля высокому, худому, совершенно лысому старику. Впрочем, разглядеть внешность генерала было трудно – мешал свет горящих фар, бивший прямо в глаза.

– Вижу! – резкий сухой голос оборвал начавшего было докладывать капитана. – Вы уверены, что не ошиблись?

– Его документы, ваше превосходительство… – офицер передал Степин паспорт старику. Тот, не читая, сунул выданную в Бомбее «липу» в карман:

– Времени мало, господа. Мешок и веревки захватили?

– Так точно!

Вероятно, захватили не только мешок и веревки, но и несколько кирпичей. А может, таковые имелись поблизости, дабы надежно упокоить Степу на дне ближайшей речки.

– Что он говорил? – вопрос был задан небрежно, явно для проформы.

– Ничего, ваше превосходительство.

– То есть? – генерал, уже готовившийся уходить, резко обернулся. – Капитан, вы уверены, что не отправите на тот свет случайного прохожего?

– Да русский он! – вмешался поручик, с нетерпением переминавшийся с ноги на ногу. – Я этих комиссаришек за версту чую!

Генерал подошел поближе и взглянул Степе в лицо. Косухин не преминул усмехнуться, но усмешка тут же погасла: тот, кто смотрел на него, внезапно показался знакомым. Степа видел лысого генерала впервые, но голос, холодные серые глаза, даже брезгливая гримаса…

– Господин чекист, мои люди не ошиблись?

Генерал тоже чуял комиссаров, если не за версту, то за два шага – всенепременно.

– Ошиблись, – буркнул Косухин. – В Чрезвычайной Комиссии не состоял, – и, решив, что это может звучать как просьба о пощаде, поспешил добавить: – А вот теперь жалею!

Генерал усмехнулся – и в голове у Степы словно блеснула молния. Как же он мог забыть? Аскольд Феоктистович! Аскольд Феоктистович Богораз!

– Хорошо, – кивнул старик. – Можете приступать, господа!

– А погодь, превосходительство, – Косухин вновь заставил себя улыбнуться. – А как же это… последнее желание?

– Резонно, – кивнул генерал. – Как обычно – папироску? Или желаете «Интернационал» исполнить?

Степа проигнорировал и тон, и содержание сказанного. Если это действительно Богораз-старший…

– Вы, Аскольд Феоктистович, когда Семена увидите, то расскажите ему, как меня, чердынь-калуга, кончали. Ему интересно будет.

– Что?! – глаза генерала сузились, и Косухин понял, что не ошибся. – Что вы сказали, молодой человек?

– А вы плохо слышите? Могу повторить…

– Не дерзите! – генерал подошел совсем близко, голос упал почти до шепота. – Что… ты… комиссарская шкура… знаешь о моем сыне?

– А вам-то что? – Косухин пожал плечами. – Просто расскажите Семену. Он ведь все-таки Руководитель Проекта!..

Генерал отшатнулся.

– Кого вы мне привезли, господа? Дайте его документы!

– Они у вас, ваше…

– Ах да…

Богораз-старший вынул из кармана Степин паспорт. Кто-то из офицеров поспешил включить фонарик.

– Косухин Степан Иванович… Дворянин… Русское консульство в Бомбее… Косухин?! Постойте!..

Генерал несколько секунд о чем-то думал, затем вновь поглядел на Степу. На этот раз на его лице было заметно крайнее удивление.

– Степан Иванович Косухин?.. Господин Косухин, какое вы имеет отношение к полковнику Лебедеву?

– А у нас отчества одинаковые, – буркнул Степа.

– Я бы просил вас отвечать серьезно!..

– А я че – несерьезно? Я-то вас сразу узнал – больно на Семена похожи. А если вы действительно занимались «Мономахом»…

– Молчите! – резко прервал его Богораз и обернулся. – Снимите наручники, господа. И оставьте нас вдвоем.

Через минуту руки Косухина были свободны. Офицеры отошли к машине. Степа с генералом остались посреди поляны.

– С ума сошли, молодой человек! Название программы остается секретным!

– Ну да, конечно… – хмыкнул, не удержавшись, Косухин. – «Владимир» беспокоится!..

– Вы и о телеграмме знаете? Да, господин Берг совершил непростительную ошибку. Но это не освобождает нас от соблюдения тайны.

Он замолчал, а затем полез в карман за папиросой. Генерал, как оказалось, курил те самые черные «Галуаз», которые Степа уже успел распробовать.

– А мне можно? – не удержался он. Курить после всего пережитого хотелось до невозможности.

– Прошу вас, молодой человек… Итак, насколько я понял, вы младший брат господина Лебедева. И, если я не ошибаюсь, были в Индии вместе с госпожой Берг?

– Не ошибаетесь.

– Странно, вашей фамилии нет в списках допуска… Впрочем, сейчас это не важно. Господин Косухин, что вы знаете о Семене?

Вопрос был поставлен слишком широко, и Степа брякнул наобум:

– У Семена Аскольдовича очки с обыкновенными стеклышками. И он здорово аэропланы умеет водить.

На лице Богораза вновь мелькнула усмешка – на этот раз не ироничная, а обыкновенная – добрая, немного растерянная:

– Да, вы правы. Но я, имел в виду другое. Семен… жив?

Тут уже растерялся Степа. Жив ли улетевший куда-то в эфир Богораз-младший, он и сам был не прочь узнать.

– Когда я видел его в последний раз, Семен был жив-здоров…

– Вы видели его в Омске? Или в Иркутске?

– Да не только там…

Приходилось подбирать слова, дабы не проговориться о том, как он в действительности познакомился с генеральским сыном.

– Мы… На Челкеле виделись.

– Что-о? – изумился генерал. – Но ведь полигон взорван, и запуск не состоялся! Насколько мне известно, Семен даже не добрался туда…

Степа лишь головой покачал. Похоже, Карл Берг не только ему не спешил сообщать правду.

– «Мономах» взлетел, Аскольд Феоктистович. Ваш сын улетел на нем вместе с Колей… С полковником Лебедевым. Насколько я знаю, они вышли на эту…

– Орбиту… – тихо подсказал Богораз. – Вы сами видели запуск?

– Да, видел.

Перед глазами вновь встала холодная зимняя степь – и окутанная дымом серебристая стрела, медленно поднимавшаяся вверх в облаках белого пара…

– Не понимаю… – негромко проговорил генерал. – Не понимаю…

– А вы у господина Берга спросите, – осмелел Степа. – Я вот, чердынь-калуга, попробовал.

– Берг… – повторил генерал. – Он позвонил мне и сообщил, что в Париж прибыл агент ВЧК, который собирает информацию о «Мономахе». Велел устранить его, то есть вас, немедленно… Но… он ведь знал, кто вы?

Косухин даже не стал отвечать.

– Да, – решительно кивнул Богораз. – Это уже мое дело… А вам, господин Косухин, приношу глубочайшие извинения. Надеюсь, мои офицеры не были с вами излишне… навязчивы…

– В самый раз, господин генерал!

Перспектива близкого знакомства с заранее припасенным мешком начала отодвигаться. И Степа решился. В конце концов, Богораз-старший показался ему ничуть не глупее своего отпрыска.

– Только… Аскольд Феоктистович… Господин Берг не очень ошибся. Я, правда, в ВЧК не состою, но я действительно красный…

– Что? – в серых глазах сверкнуло изумление. – Вы?! Брат полковника Лебедева? Но тогда что вы делали на Челкеле?

– Я был комиссаром Челкеля…

Слово было сказано. Оставалось ждать, не переоценил ли он старшего Богораза.

– Комиссар эфирного полигона… – генерал покачал головой. – Вы хотите сказать, что красные… большевики помогали запустить «Мономах»?

Косухину очень хотелось рубануть: «А как же!», но он предпочел все же сказать правду.

– Не красные. Я помогал…

Вышло несколько нескромно, но Богораз не стал уточнять.

– Хорошо. А теперь очень коротко: когда, что, как…

«Очень коротко» затянулось минут на десять. Генерал слушал молча, время от времени кивая.

– Ясно, – заключил он. – А потом с Натальей Федоровной приключается эта странная болезнь, ее дядя уверяет, что пуск сорван, а все участники операции пропали без вести… Да, а что с господином Казим-беком?

– Погиб, – коротко ответил Косухин. Перед глазами вновь встал дом на Трегубовской и ровная шеренга бойцов с голубыми свастиками на шапках…

– Жаль Георгия! А вы не встречали господина Семирадского?..

– Убили его, – о смерти Глеба Иннокентьевича говорить особенно не хотелось.

– Упокой, Господи… – генерал медленно перекрестился. – Мы познакомились с Глебом еще когда он был студентом, а я – юнкером. О генерале Ирмане не спрашиваю – мне уже сообщили. Да, мы заплатили очень дорого… Постойте, Степан Иванович, но, если корабль стартовал, почему не выходит на связь Тускула?

Степа промолчал. Отвечать было нечего.

– Мы отвезем вас обратно, – генерал жестом указал на авто. – Вы где квартируете?..

– Я… – Косухин замялся – говорить о Валюженичe не хотелось. – У одного знакомого. Студента…

– Студента? Постойте… – генерал хмыкнул. – А его часом не Валюженич зовут? Американский поляк, археолог, учится в Сорбонне, недавно приехал из Индии? Интересно выходит, Степан Иванович! Берг сообщил, что этот студент – американский разведчик, который собирается чуть ли не завербовать Наталью

Федоровну… Ладно, сделаем так. Я отвезу вас к Валюженичу, а Бергу сообщу, что вы ликвидированы. Завтра рано утром вы и господин Валюженич должны уехать из Парижа. Дня на три. А там – посмотрим!..

Тэд уже начал волноваться, но, увидев Косухина, мгновенно успокоился и потащил его ужинать, сообщив, что ради приезда гостя он приготовил семейное блюдо – бигос по-польски. Степа, решив не портить приятелю аппетита, проглотил тарелку этой экзотической пищи, а затем, как бы случайно, поинтересовался, нет ли у американца дел подальше от Парижа. Тот даже не удивился.

– Оу, Стив! То я… То моя праця наукова, розумешь…

– Ты… Не спеши, Тэд…

В этом вопросе требовалась полная ясность, и Косухин сосредоточился, вспоминая советы старика. Но то, что так просто выходило у проклятого беляка Арцеулова и потомственного буржуя Шарля, получалось у Степы с немалым трудом. Наконец, он приспособился и начал понимать.

– Тут такое дело, Стив, – принялся объяснять Валюженич. – Я, пока ездил на Тибет, пропустил чуть ли не год, и мсье Робер того и гляди выкинет меня за безделье. Экзамены я сдал, но надо срочно закончить семестровую работу по археологии, а для этого требуется съездить в Бриньоган, в местный музей. Если бы не твоя телеграмма, я был бы уже там.

Был принесен атлас, и Степа ознакомился с местоположением полуострова Бретань и маленького городка Бриньогана, приютившегося на самом берегу Атлантического океана.

– Дня за три управимся? – как бы между прочим поинтересовался он.

– Если постараться… – несколько удивился Валюженич. – Стив, а что случилось?

Ответить на такое оказалось нелегко. Косухин задумался.

– Тэд, ты это… ну, доверяешь мне?

Американец явно обиделся:

– Ты же знаешь, Стив, что я, как потомок великопольских шляхтичей и американских янки, испытываю биологическую ненависть к русским!.. Значит, мальчику Тэду опять ничего нельзя рассказать?

– Да расскажу я все! – вздохнул Степа. – Потом, в этом… Бриньогане. Хорошо?

– Ладно, Стив, – сменил гнев на милость археолог. – Недаром мне говорили, что с большевиками нельзя иметь дел… Жду приказаний, мой бригадир! Выезжаем завтра?

Степа подумал и кивнул.

– О'кей! С вокзала позвоню Шарлю, иначе, если мы с тобой исчезнем, он мобилизует своего отца-сенатора, а тот – всю французскую полицию вместе с Сюртэ женераль и Вторым бюро Генштаба…

– Ладно, – неохотно согласился Степа. – Но скажи ему, чтоб помалкивал. И вот еще. У тебя… оружие имеется?

– Откуда? – крайне изумился американец. – Я ведь мирный обыватель!

Произнеся эту фразу, Валюженич подмигнул, а затем извлек из шкафа замотанный в тряпки револьвер и несколько обойм.

– Рядовой Валюженич к бою готов!.. Кстати, о визите к Бергу, как я понимаю, расспрашивать тоже не следует?

Косухин лишь молча покачал головой. Бог весть как отреагировал бы горячий парень Тэд на его вечернее приключение! И хорошо, что они уезжают к черту на кулички! Менее всего Степе хотелось подставлять под пули наивного «акэолоджи». Только бы стая потеряла их след…

Тэд поднял Косухина в половине шестого. Он спал еще меньше: рюкзак был уже собран, у порога лежали две аккуратно завернутые в мешковину кирки. Вычищенный револьвер забрал себе Степа. Последней была уложена большая карта Бретани с каким-то пометками и пухлая тетрадь. Проблема была лишь с деньгами. У студента таковые оказались на исходе, а посему решили поменять Степины фунты-стерлинги, но не в Париже, а в банке города Ванна, где как раз следовало делать пересадку.

…Пока такси мчало их на вокзал, Косухин прикинул, что для поездки в обыкновенный провинциальный музей кирки не нужны – но не стал заострять на этом внимания.

С вокзала Валюженич позвонил в особняк Карно, разбудил видевшего сладкий сон Шарля и кратко проинформировал о происходящем. Тот попытался задавать вопросы, но затем капитулировал, пообещав молчать, словно рыба, и ничего не предпринимать.

В купе второго класса Тэд и Косухин оказались вдвоем. Американец предложил поспать, заметив что, наука «акэолоджи» требует умения спать в любое время дня и ночи, дабы в нужный момент быть готовым действовать в полную силу. Степа полностью одобрил правила сей мудреной науки. Валюженич немедленно уснул, а Косухин долго глядел на мелькавшие за окном деревеньки, на добротные дома, крытые красным шифером, в очередной раз жалея, что его знакомство с Францией складывается так неудачно. Даже рассказать оставшимся в России друзьям-товарищам, и прежде всего давнему приятелю Кольке Лунину, будет, считай, и нечего. Разве что, обрисовать забавную сценку на лесной поляне, но за подобными впечатлениями можно было не ехать так далеко.

После полудня отоспавшийся Тэд решил ввести своего недостаточно подкованного в науке «акэолоджи» приятеля в курс дел. Степа приготовился слушать: о Берге говорить было рано, а кроме того, ему и в самом деле стало любопытно. При всем презрении к вредному сословию интеллигентов, красный командир уважал науку, которая, как известно, приближает светлое будущее всего человечества.

Для начала Валюженич попытался объяснить название своей семестровой работы. На этом рассказ замер – и надолго, ибо американец писал на тему: «Атрибутация памятников Псевдоартуровского круга на примере Бретани». Не

помогали не мимика, ни скудный Тэдов запас русских слов.

– Ты бы попроще! – взмолился Косухин, мысленно ругая проклятый царизм, не давший возможности получить должное образование. Слово «атрибутация» его особо пугало.

– Ну, Стив!.. Куда уж проще? – Валюженич вздохнул и начал говорить медленно, выделяя каждое слово. – В Западной Европе бытуют легенды о короле Артуре. Он жил давно и правил королевством, которое называлось Логрис. Этот Логрис, по одним данным, находился в Англии, но по более древним – во Франции, в Бретани. Пока понятно?

– Валяй дальше! – покуда и вправду было понятно.

– В Средние века Артура очень почитали. В Бретани было много мест, которые легенды связывали с его именем. В церквях и в частных домах хранилось много артефактов, которые, якобы, относились к Артуру и его рыцарям. Все эти вещи – более поздние, но очень интересно, как в Средние века люди себе представляли Артура и все, что с ним связано.

– Ага, постой! – кое-что начало доходить. – Ты описываешь эти, чердынь-калуга, артефакты…

– Йе! Оружие, украшения, одежда…

– Ну, это я понял, – задумался Степа. – Ты, значит, ездишь по музеям…

– Я уже почти все сделал. Только Бриньоган остался. Музей там очень старый, создан еще при Людовике XVI-ом.

– Угу-угу, – Косухин сделал вид, что поверил, а затем внезапно, как это делал при допросах пленных, рубанул: – А кирками ты, Тэд, решил чего, в витринах музейных ковыряться?..

– Кирки?.. – растерялся Валюженич. – Понимаешь, Стив… Э-э-э…

Он затих, потом вздохнул и начал рассказывать о главном.

За эти пару месяцев Валюженич объездил почти всю Бретань – и не зря. В одном из архивов ему удалось найти рукопись XII века, в которой совсем по-другому рассказывалась история Логриса.

– Понимаешь, Стив, в этой рукописи сказано, что логры – не люди. Они трикстеры, оборотни. Пришли откуда-то с востока, настоящее их название – дэрги. Там даже приводится несколько заклинаний. Похоже, это действительно какой-то древний язык… В общем, эти логры-дэрги повелевали обычными людьми, причем творили настоящие чудеса. Во всех легендах об Артуре сказано, что он смог вытащить впаянный в камень меч одной рукой…

– Так это же сказки! – пожал плечами реалист Степа.

– Йе, конечно! Но что интересно: я рассказал об этих дэргах шефу – мсье Роберу, а он показал мне выписку из одной византийской рукописи, где говорилось о том же, только дэрги там назывались «дарами». Значит, эту легенду знали и в Византии!

– Дары! – что-то знакомое промелькнуло в памяти. Дэрги… Дары… Дхары… Ну, конечно! Родион Геннадиевич!

Тэд удивленно умолк, а Степа медленно, чтобы не сбиться, стал пересказывать все, что сумел вспомнить: об учителе-дхаре из таежного села, о поселке Якша на Урале, где живут потомки дхаров и молятся возле какого-то Дхори Арха, о Перстне Духов, которых Родион Геннадиевич называл «вагры»…

Валюженич слушал с открытым ртом, затем судорожными движениями выхватил тетрадь стал быстро записывать.

– Стив! Что ж ты молчал?

– Да откуда мне было знать, что это, чердынь-калуга, тебе интересно? – резонно возразил Степа. – Ну, легенды… Ты же сам говоришь, что дэрги пришли с востока!

Как раз к месту вспомнилось, что Родион Геннадьевич говорил о своей статье, которая была издана в каком-то академическом журнале…

– Наверное, «Известия Императорской Академии Наук»! – Тэд сделал пометку в тетради. – У нас в библиотеке есть все комплекты, пересмотрю за час. Хорошо, что я научился немного читать по-русски! Ну, Стив!

Косухин, впрочем, не числил за собой особых заслуг. Дары-дэрги – особого толку в этих сказках он не видел. К тому же пока ничего не было сказано о кирках…

Тэд вздохнул:

– Оу, Стив, ты заставляешь меня признаваться в покушении на закон!..

…В этой же рукописи американец прочел о том, что логры-дэрги владели четырьмя священными реликвиями, чья волшебная сила позволяла удерживать власть над людьми. Первая из них – знаменитый меч Артура.

– В поздних рукописях его называли «Эскалибур», – пояснил Тэд, – но в этой книге он назван просто Темный Меч. Он давал силу поражать врагов на расстоянии…

Косухин согласился, что подобное оружие вполне могло бы пригодиться и в двадцатом веке.

– …Потом – знаменитое кольцо Артура, перстень, заклинавший духов…

Степа вздрогнул. Серебряный Охс Вагрэ – Перстень Духов, тот, что носил Арцеулов, о котором спорили Богораз и Семирадский! Кольцо, привидевшееся Степе на руке Берга!..

– А какой он, перстень этот? – осторожно спросил он.

– Оу, серебряный с большим белым камнем. Этот камень мог менять цвет.

Описание не подходило. На перстне Арцеулова никаких камней не было – лишь массивная серебряная печатка с двумя змейками. Да и можно ли верить всяким сказкам?

– Кольцо и меч последние логры унесли с собой на восток. По легенде у них была еще одна, самая главная, реликвия – Венец Логров. Этот Венец позволял предвидеть будущее и знать о прошлом…

– Так ты его, чердынь-калуга, выкопать решил? – хмыкнул Косухин. – Даешь, «акэолоджи»!

– Венец Логров был разбит во время последней битвы Артура с Мордредом. Его осколки пропали бесследно. Но у дэргов оставалась четвертая реликвия – ножны…

Валюженич открыл тетрадь и показал Степе рисунок:

– Так было в рукописи. Эти ножны защищали владельца от любого оружия. Перед последней битвой их похитили у Артура, поэтому он получил смертельную рану. В Бретани в музеях хранятся две пары таких ножен – конечно, все более поздние…

– Подделки! – разочаровано протянул Косухин. – Вот если бы знать, где настоящие…

– Если б знать… – согласился Валюженич и, внезапно склонившись к самому уху Степы, прошептал: – Я знаю!

– Чего-о? – не поверил тот.

– Я знаю, где настоящие, Стив! В рукописи сказано! Там даже рисунок места, где они спрятаны! Понимаешь?

– Ну, это еще бабушка надвое сказала! – махнул рукой недоверчивый Косухин. – Да с этого самого XII века могло ничего не уцелеть!

– Уцелело, Стив! Я проверял! Это церковь святого Иринея неподалеку от Бриньогана, она разрушена в годы революции, но стены и фундамент уцелели, понимаешь? Там сейчас пусто, развалины!..

– А закон?

– Ну, вести раскопки без разрешения нельзя… Стив, я буду копать сам. Ты останешься в городе.

– Вот еще, чердынь! – возмутился Степа. – За кого ты меня, Тэд, принимаешь? Нет, Тэд, ты точно – гнилой интеллигент. Ладно, поищем твои ножны. И это все?

– Мало? – удивился Валюженич. – В рукописи еще сказано, что, потеряв реликвии, логры лишились своей силы и были покорены людьми. Но что сила вернется к ним, если удастся собрать все четыре реликвии вместе…

– Сказки! – зевнул Степа. – И тебе, Тэд, за эту бузу деньги платят? Я б на это и гроша, чердынь-калуга, не дал, разве что когда коммунизм настанет и всем будет по потребностям…

На это несознательный Валюженич заявил, что ждать придется слишком долго, и Степе пришлось пуститься в длительные разъяснения по поводу основных теоретических положений единственно верного учения.

…До Ванна добрались лишь к вечеру. Пришлось заночевать в привокзальном отеле, потратив последние деньги с тем, чтобы наутро зайти в банк. С банком чуть было не вышла неувязка. Когда забывший о бдительности Степа вывалил перед кассиром пачку фунтов, у того на лице появилось такое выражение, что Косухин чуть было не схватился за револьвер. Положение спас Валюженич, вернее его американский паспорт. Лицо кассира мигом приняло совсем иное выражение, фунты были разменяны на франки, а Степа еще раз обругал себя за беспечность.

По пути на вокзал, воспользовавшись часом свободного времени, Тэд свернул к серой громаде Ваннского замка и провел Степу вдоль огромных стен, показав полуразрушенные башни и старинные, обитые проржавелым железом ворота. Археолог сыпал именами герцогов бретонских, творивших в этих стенах свои феодальные безобразия, а Косухин лишь качал головой, прикидывая, что взять замок мудрено даже сегодня, разве что с помощью батареи тяжелых гаубиц. Напоследок американец поведал историю какого-то Робера д'Артуа, который данный замок штурмовал и здесь же нашел свою смерть. Валюженич пояснил, что сей Робер д'Артуа, оказывается, был авантюрист, спровоцировавшим Столетнюю войну. Узнав об этом, Косухин рассудил, что печальный финал милитариста более чем закономерен.

В Ванне оставалось еще много любопытного, но следовало спешить на поезд. Вагон оказалось забит фермерами, ехавшими с Ваннской весенней ярмарки, и путешественники забились в угол купе, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. Впрочем, их соседи были заняты разговорами, разве что то и дело пытались угостить Тэда и Степу местным кальвадосом, который оказался на поверку жуткой кислятиной.

В Бриньоган поезд пришел после полудня. Подождав, пока высыпавшие из поезда фермеры разойдутся, Валюженич предложил пройтись к морю и наметить дальнейший план действий. На берегу, где сушились на кольях старые рыбацкие сети и замерли вытащенные на берег черные баркасы, в этот час было безлюдно. Погода испортилась. Дул холодный ветер, небо покрылось тяжелыми тучами, по серой поверхности моря одна за одной шли высокие, в гребешках пены волны.

– Не похоже на Индийский океан! – поежился Валюженич. – А вообще-то, хорошо. Люблю море!

– Вроде Балтики, – рассудил Степа. – Невесело тут, чердынь-калуга!

– Оу, это замечательные места, Стив! Здесь высаживались викинги Эриха Рыжего! Представляешь?

– Не-а, не представляю, – улыбнулся Степа. – Я ведь, Тэд, неученый совсем!

Валюженич тоже усмехнулся:

– Ничего Стив, кончиться ваша дурацкая война, я прижму своего папашу, Шарль – своего, и мы определим тебя в Сорбонну. Ну, если захочешь, – в Кембридж.

– Куда, чердынь-калуга? Не, товарищ акэолоджи, у меня дела. Пока во всем мире Коммунию не построим!..

– Стив! Слушай, да это же сказки! – не выдержал Валюженич. – Ты же умный человек! Как можно верить в эту эсхатологию?

– Во, слова выучил, – покачал головою Степа. – Это не сказки, Стив. Просто за это надо дорого заплатить.

– Догадываюсь чем. Если, к примеру, головой Ростислава и твоей – то я не согласен. Своей, кстати, тоже.

Степа не стал вступать в эту бесплодную дискуссию. Он хорошо знал, что весьма часто гибнут как раз те, кто вовсе не собирается отдавать жизнь. Но эту очевидную истину развивать не хотелось.

– Ладно, Тэд! Потом про твою эсхаталогию потолкуем… Вот чего с мной в Париже было. Только не перебивай, а то собьюсь.

Валюженич слушал, лишь качая головой. На его подвижном лице то и дело появлялась гримаса то ли удивления, то ли крайнего возмущения.

– Знаешь, Стив, – не выдержал он. – Ты настоящий дикарь. Полинезиец, мумба-юмба, в крайнем случае – зулус!

– Благодарствую, – степенно ответствовал Косухин.

– Мы же в цивилизованной стране, а не на Тибете! Надо было немедленно заявить в полицию, там бы этого генерала мигом познакомили с соответствующими статьями уголовного кодекса! Мешок с кирпичами… Может, тебе этого Богораза жалко? Слушай, ты вообще за белых или за красных?

– За красных. Разве в Богоразе дело? Вот Берг…

– Йе, тут ты прав. Слушай, а ты это кольцо разглядел?

Валюженич, как это часто случалось, сумел ухватить главное. Но Степа не мог ничего сказать наверняка. Почему бы Бергу не иметь похожий перстень? Но на душе было тревожно.

Они вернулись на вокзал, забрали из камеры хранения рюкзак и кирки и двинулись в город, но успели лишь пересечь маленькую привокзальную площадь, как послышалось фырканье. Из ближайшего переулка выкатило

небольшое ярко-красное спортивное авто. Валюженич остановился и вздохнул.

– Что? Ты чего? – не понял Косухин.

– Как говорят в детективных романах, я так и знал…

Недоумевающий Степа проверил прикрепленный у пояса револьвер, но тут же все разъяснилось. Дверца красного авто открылась, и оттуда выскочил Шарль Карно в зеленой военной куртке, но без погон.

– О-ля-ля! Где вас носит? – воскликнул он недовольных тоном. – И вообще, Тадеуш, с твоей стороны – это последнее свинство! Мы же договаривались ехать вместе!

Впрочем, встретив потерявшихся приятелей, Карно быстро успокоился, сообщив, что он сам, равно как и его персональное авто, в их полном распоряжении. Он добавил, что до развалин церкви святого Иринея километров двадцать, а такси в этих диких местах не водятся. Косухин вздохнул – тайная экспедиция Тэда оказалась не такой уж тайной.

Автомобиль вновь фыркнул, чихнул и бодро покатил по вымощенной булыжником улице. Бриньоган был двухэтажным: каменные, крытые бурой черепицей дома, казалось, успели пережить не одно столетие. Люди встречались редко, небольшой, под деревянным навесом рынок был пуст, лишь иногда по брусчатке мостовой проезжали велосипедисты или крестьянские повозки.

– Провинция! – прокомментировал Карно. – Живой музей! Уверен, что половина здешних обитателей думает, что Францией до сих пор правят Бурбоны. Мой предок посылал в эти места не одну карательную экспедицию – да все без толку.

Косухин с пониманием поглядел на Шарля. Что такое карательная экспедиция, объяснять не требовалось. Карно уловил его взгляд:

– Здесь жили отчаянные контрреволюционеры – белые, прямо как у вас. У меня, признаться, душа кипит. Самое шуанское гнездо! Эх, сюда хотя бы одну «адскую колонну» генерала Россиньоля!..

Впрочем, Бриньоган на этот раз избежал участи, обещанной ему потомственным революционером. Автомобиль, изрядно распугав лошадей и удивив редких прохожих, затормозил у двухэтажного дома, где размещался местный музей. Появление трех гостей из Парижа вызвало настоящий фурор. Пожилой директор потащил их в свой кабинет, угостил все тем же кальвадосом и сообщил, что музей в полном распоряжении «господ из Сорбонны».

Валюженич тут же устремился в кладовку, носившую научное название «фонды». Шарль с Косухиным для начала прошлись по второму этажу, где была представлена основная экспозиция, но вид старинных доспехов, прялок и потемневших от времени распятий вызвал у Степы смертную тоску. Между тем Карно потребовал предоставить им отдельную комнату и кофейник, что было мигом исполнено. Затем неутомимый Шарль заварил кофе, а сам удалился, вскоре вернувшись с огромной, обтянутой в потемневшую от времени кожу, книгой.

– Взял на время из экспозиции, – сообщил он. – «Хроника Бретани» XIII века – самое ценное, что имеется в здешнем сарае.

Он осторожно раскрыл медные застежки и со скрипом приоткрыл обложку.

– Просто преступление, что это находится не в библиотеке Сорбонны! Здесь ее того и гляди отдадут сапожнику! Смотри, Степан…

Косухин без особого интереса поглядел на ровные ряды аккуратно выписанных черными чернилами буквиц, на красную киноварь заглавий, на странные, не похожие ни на что, рисунки.

– Про войну? – поинтересовался он на всякий случай.

– Угу. Почитать хочешь?

Степа лишь улыбнулся, но Шарль, глотнув кофе, пододвинул стул поближе.

– Я хотел показать тебе одну вещь. Сома дэви дает человеку куда больше, чем умение понимать без переводчика. Смотри сюда – просто разглядывай текст. Только внимательно!

Степа стал недоверчиво всматриваться. Буквы были занятные, но совершенно незнакомые. Он добросовестно вглядывался минуту-другую и уже хотел отдать рукопись Шарлю, когда в голове внезапно промелькнула странная фраза: «Многих порази…» Косухин вздрогнул, стал медленно водить пальцем по строке, и странный далекий голос начал подсказывать ему:

– «Пришли в лето Господне 983-е безбожные язычники-даны и взяли аббатство святого Лаврентия, могилы вскрывши и живых многих порази. И поднял герцог Пьер свое знамя над главным донжоном Ванна…»

Степа зажмурился. В ушах шумело. Он вновь открыл глаза, бросил взгляд на полетевший лист пергамента…

– Получается? – нетерпеливо бросил Карно. – Получается, Степан?

– «Поднял этот… герцог свое знамя над главным… как его… донжоном Ванна…» – неуверенно повторил Степа.

– «…И созвал рыцарей храбрых и вассалов их, и двинулся на данов в третий день после Троицы…» – подхватил Шарль, глядя в книгу. – Теперь понял?

– Это на французском, что ли? – жалобно спросил Косухин.

– Хуже, Степан. Это испорченная средневековая латынь. Ее даже специалисты читают с пятого на десятое. Это что! Позавчера я взял хеттский текст. Его вообще никто еще не переводил. И вот пожалуйста, узнал о каком-то Табарне, который ходил войной на город Цальпу и захватил быков и три колесницы. Жаль, никто не поверит… Больше не читай – устанешь с непривычки.

Степа и не собирался знакомиться с рукописью дальше. Впечатлений хватало. То, что он умел теперь, было поразительно – но совершенно бесполезно. На что ему, командиру Рабоче-Крестьянской Красной армии, умение читать этот архивный хлам?

– Голова не болит? – поинтересовался Карно, заметив его состояние. – У меня сперва дико болела. Ничего, Степан, это только начало. Я уверен, что смогу еще больше. Представь, беру старое письмо – и начинаю разговаривать с автором!

– Свихнешься!

– Может быть. Паду жертвой науки, – рассмеялся Шарль. – Во всяком случае, это нужнее для человечества, чем сгинуть где-нибудь у вас в Таврии во время штыковой.

Степа был настолько под впечатлением от случившегося, что даже не нашел в себе сил кинуться на защиту столь нагло попираемых пролетарских идеалов. Стало страшно. Он боялся Шарля и еще больше – себя. Странный дар получил он в заброшенном храме, когда пил из холодной серебряной чаши…

Валюженич появился часа через три. Бросив на стол тетрадку, он хлебнул холодного кофе и удовлетворенно проговорил:

– Две кольчуги, ожерелье, ножны и обломки меча. Все – не старше XII-го века. Теперь порядок! Скучали? Шарль, ты что, за «Хронику» взялся?

– Перелистал, – небрежно заметил Карно. – Мы со Степаном картинки разглядывали. Ну что, можно ехать?

– Да. Я как бы ненароком спросил – там сейчас пусто. Церковь обследовали года два назад, но лишь сняли план и сфотографировали…

– Тогда поехали! – Карно вставая и потянулся. – Как говорится: «Вперед, сыны отчизны милой, мгновенье настает…»

Косухин вяло поплелся вслед за оживленными археологами. Предстоящая поездка ему почему-то окончательно разонравилась. Книга еще ничего, а вот если Карно вздумает поговорить с какой-нибудь каменной статуей!..

…Авто быстро мчало по пустынной дороге. Слева и справа виднелись поля, на которых колосилась невысокая, только начинавшая желтеть, озимая пшеница. Затем поля кончились, потянулись пастбища, по которым бродили упитанные бретонские буренки. Земля была неровной, то и дело горбилась небольшими холмами, там и сям громоздились серые валуны. Все это было под стать безрадостной погоде и поневоле наводило на невеселые мысли.

Впрочем, Карно и Тэд не обращали на природу не малейшего внимания. Шарль долго язвил приятеля, обвиняя того в научном эгоизме и нетоварищеском поведении, обрисовав яркую картину путешествия бросивших его приятелей на старой крестьянской подводе, которая всенепременно опрокинула бы их в кювет. Валюженич отшучивался, но вынужден был признать преимущества автомобильного транспорта. Затем оба пустились в рассуждения о святом Иринее, и Карно принялся рассказывать о каком-то Овернском Клирике, написавшем уникальное жизнеописание святого.

Косухин молчал и лишь время от времени оглядывался назад. Дорога была пуста, но береженного, как известно, Бог бережет, и Степа на всякий случай вынул револьвер и еще раз проверил оружие. Наконец, где-то через час, автомобиль нырнул в лес, а затем остановился.

– Здесь, – заметил Валюженич, разглядывая карту. – Где-то рядом…

Они посовещались, и Карно медленно поехал вдоль кромки леса. Внезапно стена высоких деревьев оборвалась.

– Ага, поворот! – обрадовался Шарль.

Автомобиль свернул на узкую лесную просеку. На этот раз ехали недолго. Деревья поредели, и перед глазами предстала большая поляна, в глубине которой темнел силуэт полуразрушенной церкви. Трава обступила стены, тянулась выше, покрыв рухнувшие своды и давно пустые проемы окон. Возле разбитого купола выросло несколько молодых деревьев.

– Она! – удовлетворенно кивнул Карно. – Романский стиль. Построена в X веке, разрушена коллегами моего прапрадедушки в годы войны с шуанами. Насколько я знаю, здешний священник прятал самого Фротто. Этому негодяю в тот раз удалось уйти, а попа гильотинировали тут же – перед входом.

Валюженич кивнул, хотя думал явно о другом:

– Спрячем машину вон за теми деревьями. У нас часа два до темноты… Но… Может, все же не стоит?

– Ставлю на голосование, – Карно обернулся к Степе. – Я – за то, чтобы попытаться. Ты, Степан?

Косухин пожал плечами:

– Раз уж ехали, чердынь-калуга!..

– Почти единогласно. Командуй, Тадеуш!

– Йе! – нерешительность Валюженича разом исчезла. – Стив, бери рюкзак, пошли! Шарль, прячь машину и забери ключ – на всякий случай. Ну, вперед!

Трава доходила до колен. Под ноги то и дело лезли камни, когда-то рухнувшие с церковных стен. Приходилось идти осторожно, рассчитывая каждый шаг. Сзади послышалась ругань: догонявший их Карно оступился и теперь поминал святого Иринея не самыми теплыми словами.

Вход – дверь без створок и несколько ступенек – сохранился, но внутри уже почти ничего не напоминало о храме. Там тоже росла трава, громоздились кучи покрытых мхом камней. Свет, падавший через пустые окна и пробитую крышу, освещал картину полного хаоса и запустения.

– Поработали тут! – Карно догнал приятелей и покачал головой, оглядывая то, что было когда-то церковью. – Скульптуры – и те разбили! Неудивительно, что здесь никто не бывает.

Стены были действительно пусты. Лишь одинокий ангел, случайно пощаженный временем и людьми, грустно посматривал на пришельцев, выглядывая из невысокой ниши.

Валюженич остановился прямо под куполом и открыл тетрадку, где была начерчена мудреная схема. Несколько минут он осматривался, затем показал что-то Шарлю. Тот кивнул.

– О'кей, джентльмены, – Тэд закрыл тетрадь. – Стена возле алтаря, три шага на запад…

Из рюкзака были извлечены складной метр и компас, после чего американец принялся за какие-то сложные измерения.

– Шеф убил бы нас за такую профанацию археологии, – заметил Карно, деловито расчехляя кирки.

– Йе, самому стыдно. Но что поделаешь?

– А как это… Ну, по науке копать надо? – осмелился вопросить Степа.

В ответ послышался дружный смех:

– Оу, Стив, рассказать – испугаешься!.. Ага, кажется, здесь.

Тэд решительно ткнул ботинком в мощную каменную кладку:

– Чуток придется подрыть – полметра, не больше. Начали!

Шарль уже снял свою зеленую куртку и, засучив рукава, держал кирку наперевес. Второй киркой овладел Степа, не желавший оставаться в стороне. Мелькнула мысль выставить пост, но тут же пропала: в этой глуши бояться вроде нечего и некого.

Валюженич руководил. На носу грозно блистали стеклышки очков, а в голосе неожиданно прорезался командирский металл:

– Шарль, покажи Стиву, как надо копать. Это же кирка, а не мотыга! Не нарывай много земли, ударил раз-другой – и отбрасывай… Шарль, копай вдоль стены!

– Не учи ученого, – пухлый буржуй Карно, к удивлению Степы, орудовал киркой быстро и красиво. У Косухина дела шли хуже. Лопатой он был орудовать мастак, а вот с киркой сталкиваться не приходилось. Впрочем, яма углублялась быстро, уже начали проступать засыпанные землей камни кладки – темные от влаги, с проросшими сквозь щели белыми корнями травы. Через некоторое время Валюженич сменил Шарля.

– Тадеуш, мы забыли помолиться! – заметил Карно, с удовольствием закуривая и пуская сизые кольца дыма. – Ириней был великим борцом с нечистью, так что можешь представить, сколько ее сюда набежало, когда храм разрушили!

Валюженич только хмыкнул. Яма уже напоминала настоящую могилу. Тэд покачал головой и провел киркой черту, показывая, что выкопанное следует расширить.

– Все вы, американцы и русские, безбожники! – продолжал обнаглевший буржуй. – Тебе, Тадеуш, с твоим прагматизмом никогда не найти реликвии Артура!

– Ты еще про Грааль скажи, – подзадорил его Валюженич, соскребая киркой налипшую на кладку землю.

– А что? У меня появились по этому поводу неплохие мысли…

Карно затоптал окурок и сменил Степу, который поспешил также достать курево.

– Мужики, а что такое Грааль? – в свою очередь поинтересовался он.

В ответ вновь послышался смех:

– Еще один граалист! – хмыкнул Карно. – Грааль – древняя святыня логров. Считают, что это то ли чаша с кровью Христа, то ли драгоценный камень. Артур и его рыцари только и занимались тем, что его искали…

– Ты упрощаешь, Шарль, – заметил Валюженич.

– О-ля-ля! Это я упрощаю? Это твои любимые трубадуры натрубили Бог весть что. Во-первых, Грааль не чаша и не камень, а святилище. Во-вторых, он не был скрыт, просто туда пускали лишь посвященных. Там, похоже, был действительно какой-то священный камень…

– О'кей, а в третьих, выбрасывай землю. Все, займемся кладкой…

Теперь кирки били глухо, слышался неприятный скрип – камни поддавались с трудом. Степа попытался прийти на помощь, но археологи дружно его отогнали. Наконец первый камень был выворочен.

– Промазали, – сообщил Карно, ткнув киркой в отверстие. – Там продолжается кладка. Какой берем, слева или справа?

– Справа, – решил Валюженич, и кирки заскрипели снова.

Между тем в разрушенной церкви начало заметно темнеть – майский день клонился к закату. Тени густели, и Степе вдруг стало тревожно. Вспомнилась другая церковь – но не каменная, а деревянная. Там тоже было темно, лишь горели огарки свечей, и такие же черные тени наползали из углов…

– Есть… – Валюженич поддел шатающийся камень и легко отпрыгнул в сторону. Карно не утерпел и сунул в отверстие кирку.

– Пусто! – воскликнул. – Здесь пустота! Тадеуш, – ты гений!

– Оу, я это знал! – Валюженич, достав из рюкзака фонарик, посветил в темное отверстие. – Шарль, надо снять еще один камень.

Карно застонал от нетерпения. Две кирки впились в серый известняк.

– Могила? Тадеуш, это погребение? – нетерпеливо вопрошал Шарль. – Что это?

– Для могилы слишком мало места. – Тэд светил фонариком, не подпуская Карно, так и норовившего сунуть в отверстие руки. – Хотя… Какой-то сосуд, красная глина… И что-то продолговатое… Отстань, Шарль, я зарисую. Лучше посвети!

Карно вновь застонал, но Валюженич достал карандаш и начал добросовестно рисовать в тетради то, что высветил луч фонаря. Между тем в церкви уже почти стемнело, только сквозь разбитый купол и верхние окна еще сочился неяркий серый сумрак.

– Я, кажется, знаю, – наконец, заявил Тэд. – Это все-таки могила, Шарль. Бретонский обычай.

При слове «могила» Степу передернуло, и он машинально ощупал спрятанный за поясом револьвер.

– Это как? – удивился Карно. – Постой, это когда тело сначала закапывали на несколько лет в землю, а потом кости складывали в сосуд и…

– Пять баллов и зачет у шефа. Да, обычай времен крестовых походов. Ладно, вроде зафиксировал. Стив, хочешь лично вытащить эти бесценные артефакты?

От такого предложения Косухину стало не по себе. Никакого желания он не ощущал, но отказываться было стыдно. Степа вздохнул и неожиданно для себя перекрестился. Оглядевшись, он с удовлетворением понял, что этот недостойный большевика поступок никем не замечен, и, вновь вздохнув, полез в яму.

– Сначала – сосуд, – велел Валюженич.

«Сосуд» оказался обыкновенным горшком с крышкой. Очевидно, в нем была трещина, поскольку глина стала прямо под руками распадаться, и Степа еле успел поставить находку на землю. Сквозь распавшиеся стенки тускло засветилось под лучом фонаря что-то желтое…

– Так и есть, – кивнул Валюженич. – Кости. Интересно, в таких погребениях почти никогда не находят черепов. То ли они хоронили их отдельно, то ли…

– Степан, давай дальше! – Карно явно сгорал от нетерпения.

Следующий предмет показался каким-то странным, и Косухин никак не мог сообразить, что это может быть. Только когда луч фонарика осветил находку, стало ясно: ножны – кожаные, покрытые позеленевшими бляшками. В ножнах был меч, вернее все, что от него осталось – потрескавшаяся костяная рукоять с медным крестом.

Карно покачал головой и произнес по-французски какую-то непонятную фразу. Заметив, что Косухин его не понял, он медленно повторил:

– «И это все? Да как же это так? Поднялся занавес, а я все ждал бесплодно!» Это из Бодлера, Степан. Был такой пролетарский поэт…

– Хорошо, фиксируем, – Валюженич уже вооружился карандашом и открыл тетрадку. – В тайнике найден меч в ножнах. Ножны кожаные, с металлическими накладками. Рукоять меча костяная. Сохранность – неудовлетворительная. Меч можно предварительно датировать второй половиной XI века…

– Седьмой тип по классификации Шаррона, – кивнул Карно. – В общем, труха. Сдадим в наш музей – первокурсникам показывать. Ну как, Степан, нравится?

Но Косухин не отвечал. Вот уже несколько минут он напряженно вслушивался. Сомнения не было – где-то неподалеку работал автомобильный мотор.

Глава 3. Предательство

– Влипли! – Валюженич тоже услышал и негромко выругался. – Не иначе лесник или жандармы. Стив, закинь кирки подальше!..

– Постой, я выясню, в чем дело, – Карно накинул куртку и отряхнул землю с ботинок. – Тадеуш, у тебя есть разрешение на разведку?

– О'кей, имеется. Только бы не заметили меч…

– Спрячь. Поговорю с ними – задержу на пару минут…

Карно быстро пошел к еле заметному в наступившей темноте выходу. Тут только Степан начал что-то соображать.

– Шарль! – крикнул он. – Вернись! Не ходи!

Но Карно, не слушая его, уже ловко пробирался по каменным завалам.

– Ничего, Шарль им заморочит головы, – Валюженич, спрятав находки между камней, начал быстро закидывать яму. – Стив, помоги!

Камней под руками было более чем достаточно, и вскоре черное отверстие исчезло под их грудой. Теперь в царившем в храме сумраке заметить следы работы было трудно.

– Кирки спрятали, – бормотал Валюженич. – О'кей, Стив, мы студенты Сорбонны, обследуем старинные церкви… Ну надо же, в таком глухом месте – и наткнуться!..

Степа не верил в подобные случайности, и револьвер был уже давно извлечен из кармана пиджака. Шум мотора стих, настала тишина, затем послышались шаги. В проеме двери проступили черные тени…

– Господин Косухин! Не вздумайте стрелять!

Степа похолодел. Ни лесник, ни местные жандармы не стали бы кричать по-русски.

– У нас ваш приятель! После первого же выстрела мы продырявим ему голову. Сдавайтесь, господин Косухин!

– Там Шарль! – сообразил Тэд. – Стив, что нам делать?

– Ничего…

Степа, встал и передал Валюженичу револьвер. Придумывать и в самом деле было нечего.

– Я здесь! – крикнул он в темноту. – Я сдаюсь!

Темные фигуры вошли в церковь. Прибывшие чертыхались, перебираясь через каменные завалы. Косухин быстро пересчитал – пятеро.

– Где Шарль? – спросил он, надеясь выиграть время. В тот же момент вспыхнул фонарик. Луч метнулся по серым стенам, затем осветил троих: Карно –

растерянного, с наручниками на запястьях и тех, кто шел рядом. Фонарик почти сразу же погас, но второго Степа узнал сразу – того самого, в черном смокинге, который встречал его в особняке Берга. А третьим, к его немалому удивлению, оказался Гастон де Сен-Луи собственной персоной.

– Сюда! – приказал голос из темноты. – Нам нужны вы, господин Косухин. Ваших друзей мы отпустим…

Выбирать было не из чего. Степа шепнул Тэду: «Прячься» – и медленно пошел вперед. Валюженич на миг замешкался и вдруг, одним прыжком догнав Косухина, зашагал рядом. Краем глаза Степа заметил, что американец держит в руках свою бесполезную находку – ржавый меч в потрескавшихся кожаных ножнах.

– Тэд! Назад! – вновь прошептал он, но было поздно. Луч фонаря ударил в лицо.

– Тэд!!!

Валюженич усмехнулся и положил руку на Степино плечо. И тут темнота заговорила.

– Господин Косухин! Господин Берг велел найти вас, чтобы сообщить о вашем брате…

– Что?! – Степа рванулся вперед, но рука Валюженича удержала его на месте. – Где Николай, гады?

– Отправляйся к нему, красная сволочь!

Сухо щелкнули курки. В тот же миг американец, по-прежнему крепко державший Косухина за плечи, поднял перед собой меч, словно надеясь заслониться от пуль. Послышался смех – и тьму прорезали вспышки выстрелов.

Степа сообразил, что падает. Затем – что жив, лежит на земле, а в правую руку ему суют рукоять выроненного им револьвера.

– Стив, о'кей? – шепнул Валюженич. Степа удивленно вздохнул, затем опомнился и замер.

– Готовы? – послышалось невдалеке.

– Да, оба. Я бил комиссару прямо в сердце.

– Но все-таки проверьте. По-моему, этого американца только ранило…

В темноте заскрипели шаги, и через минуту над замерзшими и Тэдом склонились две фигуры в черных смокингах.

– Готовы!..

В ту же секунду Степа резко перевернулся и, почти не целясь, нажал на курок. Выстрел, второй – и два тела глухо ударились о землю.

– Что случилось, господа?

«Третий, – подумал Степа. – Всего было четверо – и Шарль».

Вспыхнул фонарь. Луч света растерянно качнулся из стороны в сторону и замер, наткнувшись на трупы. Косухин выстрелил вновь, навскидку – фонарь дернулся и упал на землю.

– Шарль! – заорал Валюженич. Где-то рядом слышалась возня, затем кто-то ойкнул, наконец раздался голос Карно:

– Ребята, я держу его! Скорее!

Косухин включил фонарь. Шарль Карно лежал на земле, навалившись на Гастона. Рядом неподвижно застыл еще труп в черном смокинге.

– Шарль! – Валюженич уже бежал вперед, но тут Сен-Луи дернулся, отбросил Карно в сторону и, спотыкаясь, побежал к выходу.

– Наручники, смерть Господня! – Шарль выругался и беспомощно оглянулся. Степа уже был рядом.

– Давай руки!

Карно поднял скованные руки вверх, и Косухин одним выстрелом разбил цепочку. Шарль хлопнул Степу по плечу и подобрал лежавший на земле револьвер убитого.

– Скорее! Он уходит! – Валюженич был уже у входа.

– Стой! – заорал Степа. – Назад, Тэд, не дури!

Он кричал по-русски, но Валюженич понял и поспешил остановился. Вскоре все трое собрались у входа, прижавшись к дышавшей сыростью стене.

– Подождем, – Косухин перевел дыхание и быстро перезарядил револьвер. – Никто не ранен?

– Мне по уху съездили, – с готовностью сообщил Карно. – Но вы-то почему, ребята, живы? Они что, холостыми стреляли?

– Промазали, – отмахнулся Степа. – Руки у них, видать, не оттуда росли. Тэд, ты нас нарочно на землю толкнул?

– Нарочно, – усмехнулся археолог. – Рубашку порвал, когда падал. Жалко, новая…

– Молодец! – отечески похвалил Косухин и, немного подумав, добавил. – А все-таки должны были нас, рабов божьих, порешить!

– Не должны были. Потом объясню, – Валюженич осторожно выглянул и тут же отдернул голову. – Вторая смена, господа!

– Сколько их? – Степа уже занимал позицию, пристраивая оружие поудобнее.

– Один. Но не тот, что убежал…

Потянулись томительные секунды, но вот послышались тяжелые гулкие шаги. В просвете двери появился силуэт. Это был действительно не Гастон: тот, кто стоял у входа, казался повыше ростом и явно шире в плечах. Голова сидела низко, будто у пришедшего из темноты не было шеи.

– Огонь! – шепнул Степа.

Ударили револьверы. Воздух наполнился кислым запахом сгоревшего пороха, но странный гость медленно, не торопясь, шел к ним.

Степа, закусил губу и тщательно прицелился прямо в голову врага. В темноте сверкнула искра – словно пуля ударилась о камень.

– Назад!

Он помнил такое – пули не брали тех, кто окружал дом на Трегубовской. Пули не брали Венцлава…

Все трое отбежали к алтарю. Темная фигура медленно двинулась им вслед.

– Оу, упырь? Стив, ты мне что-то об этом рассказывал! – Тэд, скорее изумлен, чем напуган. Косухин не ответил, и тут Карно включил фонарик. Степа тотчас вырвал его из рук неосторожного аспиранта, но секунды, пока свет бил в лицо непрошеного гостя, вполне хватило.

– Не упырь, – спокойно констатировал Карно.

…Не лицо – грубая маска из чего-то твердого, похожего на плотную глину. Вместо глаз – две маленькие щели, тело тоже вылеплено из глины – неуклюжее, громоздкое, со свежими следами рикошетивших от твердой поверхности пуль…

– Стив, что нам делать? – Валюженич нерешительно вертел в руке револьвер. Другая по-прежнему сжимала меч.

– Не знаю, – честно признался Степа. – Попробуем обойти – он, чердынь-калуга, еле ползет!

Истукан действительно двигался медленно, но чутко следил за своими противниками, неплохо ориентируясь в темноте. Кроме того, Косухин с запозданием сообразил, что те, кто послал чудище, сейчас ждут у входа, чтобы встретить убегающих выстрелами в упор.

Вероятно, Валюженич подумал о том же. Секунду-другую он размышлял, затем произнес: «О'кей!» – и отдал Косухину револьвер.

– Ты чего? – Степа поглядел сначала на американца, потом на приближавшегося монстра, преодолевавшего последнюю перед алтарем кучу камней. В ответ послышался тихий шепот – Валюженич что-то негромко говорил, прикрыв глаза ладонью. Затем выпрямился, поднял меч, не вынимая его из ножен, и шагнул вперед.

Карно вскрикнул и выстрелил. Пуля скользнула по голове страшного гостя и рикошетом отлетела к стене.

– Тэд, куда?

Валюженич уже стоял рядом с чудовищем. Руки с мечом были подняты на уровне глаз. Тот, кто искал их смерти, внезапно замер.

– Vade retro! In nomine Dei!

Голос Валюженича стал тяжелым и густым, словно молодой американец за секунду постарел на много лет. Степа вскинул револьвер, но опустил оружие. Стрелять нельзя: Валюженич закрывал собой врага.

Секунды тянулись одна за другой. Но вот послышался хриплый звук – монстр медленно поднимал руки. Короткие толстые пальцы растопырились, потянулись вперед. Валюженич стоял неподвижно, словно тоже став камнем. Руки монстра почти коснулись меча, и вдруг Косухину показалось, что в храм ударила молния – ножны вспыхнули невыносимо ярким голубым светом.

Чудище попятилось, нерешительно задвигало головой, грузно повернулось…

– Тадеуш! Назад! – не выдержал Карно, но Валюженич даже не сдвинулся с места, лишь поднял повыше старый меч.

…Монстр уходил. Теперь он двигался иначе – быстро, неровно, спотыкаясь на каждом шагу. Карно и Степа переглянулись. Нетерпеливый Шарль показал вперед, но Косухин отрицательно покачал головой. Прошло несколько томительных минут. Тишину нарушал только звук тяжелых шагов – страшный гость был уже далеко. Косухину невольно вспомнилось, как в другой церкви, деревянной, беляк Арцеулов кинул в краснолицего Венцлава серебряный перстень…

Наконец, черный силуэт исчез за порогом. Валюженич медленно опустил меч. Степа и Шарль уже были рядом.

– О'кей, – американец аккуратно положил оружие на землю, а сам присел на ближайший камень. – Кажется, получилось…

– Ты прочел заклятие от нечистой силы? – Карно возбужденно потер руки.

– Йе, но это не главное. Я подумал… Стив, ты спрашиваешь, почему в нас не попали пули?

Косухин кивнул.

– Промахнуться по нам не могли – слишком близко, но я подумал, что шанс у нас все-таки есть. Если эти ножны – настоящие…

– Ножны от меча Артура? – не выдержал Карно.

– Да, если ножны логрские. Когда пули в нас не попали, я был уже почти уверен…

– Потом, – перебил Степа. – К двери!

Он сунул Валюженичу револьвер, и поспешил ко входу. Выглядывать было опасно. Степа занял прежнюю позицию – возле стены. Он прислушался – снаружи стояла тишина. Внезапно сзади вспыхнул свет. Карно, включив фонарик, что-то пытался найти между лежавшими на полу камнями.

– Шарль! – позвал Валюженич, но Карно лишь покрутил головой. Внезапно он вскочил, подпрыгнул, воскликнул нечто вроде «оп-ля!» и поспешил к приятелям.

– Нашел! Там, где стояло это чучело…

Он вновь включил фонарик и раскрыл ладонь. Свет упал на два маленьких осколка.

– Отнесу в лабораторию, и мы узнаем из какого теста слепили нашего приятеля! По-моему, это все-таки глина…

– Тише! – Косухин поднял руку. Послышалось гудение мотора.

– Укатили, – вздохнул Шарль, когда шум медленно стих. – Похоже, обратно, в Бриньоган. Но у них было второе авто…

Они прождали с полчаса, но возле церкви все молчало, лишь издалека доносился шум ночного леса. В конце концов Косухин решил рискнуть, и они вышли наружу.

Возле церкви было пусто. Рядом с автомобилем Карно стоял другой, тоже небольшой, но черный. Там никого не было, передняя дверца распахнута настежь, на траве лежала монтировка.

– Порядок! Целая, – сообщил Карно, осмотрев свою машину.

– Пора уходить, – рассудил Валюженич. – Да, набрались впечатлений, джентльмены!..

Возвращаться в темную, пахнувшую порохом и смертью церковь не хотелось, но следовало спешить. Валюженич аккуратно собрал находки, замотав меч в свою порванную рубашку. Карно забрал кирки и бегло осмотрелся, чтобы чего-либо не

забыть. К трупам решили не прикасаться.

– Остается помолиться святому Иринею, – заключил Шарль, когда они покидали храм. – Не подвел старик – защитил. Но, кровь Христова! Кто мне объяснит, кому мы могли понадобиться?

– Я объясню, – пообещал Степа. – Но после, ладно?

Карно вывел машину на шоссе. Поскольку их враги вернулись в Бриньоган, Шарль предложил ехать в противоположную сторону, чтобы через Ренн и Ле-Ман вернуться в Париж.

– Стив, а что эти бандиты сказали о твоем брате? – поинтересовался Валюженич, когда авто повернуло на юго-запад и помчалось прочь от леса. – Я не понял…

– Я тоже… не понял, – медленно, пересиливая себя, ответил Косухин. Однако, ему самому все уже было ясно: Берг велел передать, что Николая нет в живых…

Вспомнился перстень на руке Наташиного дяди, а затем то, что Степа увидел в зеркале, когда поезд мчал его в Париж. Они приходили к нему – Ксения, Семирадский, Ирман… Предупредить об опасности – или рассказать о брате?..

Между тем Карно требовал немедленного и точного отчета, дабы узнать, по какому поводу его, законопослушного французского гражданина, решили прикончить прямо во время осмотра исторической достопримечательности. Пришлось плести очередную историю, в которой Карл Берг предстал в облике озверелого белогвардейца, устроившего охоту за красным командиром и его друзьями. Остальное додумал сам Карно:

– Это все тот парень, Гастон! Наш Тадеуш, похоже, излишне желал продолжать знакомство с мадемуазель Натали, а этот тип нанял нескольких апашей. Ну, ребята, мы и влипли!

Ни Тэд, ни Косухин не стали возражать.

– Жаль, что его не пристрелили! – заключил несентиментальный Карно. – У него такие противные потные руки!..

Под утро въехали в Ренн и остановились в первом же небольшом отеле, чтобы отоспаться. Затем поехали дальше, уже не спеша. Никто не торопился в Париж – и прежде всего Степа.

В Ле-Мане сделали дневку. Косухин был отконвоирован в здешний собор, где прослушал лекцию об особенностях французской готики. От посещения музея он все-таки отбился и предпочел просто погулять по городу, втайне надеясь, что хотя бы здесь, в пролетарской Франции, удастся встретить товарищей по партии. Увы, население Ле-Мана еще недостаточно восприняло самые передовые идеи. В городе, как удалось выяснить, преобладала изначально реакционная католическая партия, а слабую оппозицию ей составляли вовсе не коммунисты, а какие-то мелкотравчатые радикалы. Степе в который раз очень захотелось домой. Ни стонущая под колониальным игом Индия, ни Франция – родина Коммуны, почему-то не спешили под знамена Мировой Революции. И это было очень обидно.

В Париж вернулись ранним утром – из Шартра, где была последняя ночевка, выехали после полуночи. Осторожность была нелишней. Старинный меч, заботливо укутанный в рубашку Тэда, еще мог сойти за музейный экспонат, но три револьвера вызвали бы лишние и совершенно ненужные вопросы. Счастливо избежав знакомства с дорожной жандармерией, автомобиль нырнул в лабиринт парижских улиц, и через полчаса Шарль затормозил возле дома, где обитал Валюженич.

– Ну вот, Стив, съездили, – усмехнулся Тэд, когда красное авто скрылось за поворотом. – А я-то думал, что после Тибета меня ожидают скука и воспоминания… Ладно, кажется, наступает тайм-аут.

Косухин не совсем понял, что такое «тайм-аут», но уже был готов согласиться с приятелем, как вдруг замер и схватил американца за руку. Из подъезда, куда они собирались зайти, вышел человек – очень знакомый. Его лицо Степа узнал сразу: молодое, красивое, с глубоким шрамом на щеке. Тогда, в машине, его называли поручиком…

– Что? – вскинулся Валюженич. – Опять?

Ответить Степа не успел. Поручик подошел к ним, вытянул руки по швам, щелкнул каблуками:

– Доброе утро, господа. С прибытием!

Говорил он по-русски, но Тэд, что-то сообразив, положил руку на пояс, где был спрятан трофейный револьвер. Косухин криво усмехнулся:

– Стало быть, здрасьте! Мешок, что ли, привезли?

Поручик покачал головой:

– Прошу извинить, господин Косухин. Не за мешок, тут я выполнял приказ. Я вел себя с вами грубо, но мне сказали, что вы чекист. Я воевал с красными с октября 17-го…

– Оу! – сообразил Валюженич. – Цивил во? Эгэн?

– Я от генерала Богораза, – продолжал офицер. – Его превосходительство приказал немедленно же доложить о вашем появлении. Прошу быть осторожными и не открывать посторонним двери.

– Бат… Вот хэппенд? – от удивления Валюженич растерял весь запас русских слов.

– Генерал просил не выходить из квартиры, – ответил поручик на неплохом английском. – Господин Берг куда-то уезжал. Вчера он вернулся – и снова пропал… Извините, господа, должен позвонить генералу.

Он вновь щелкнул каблуками, повернулся и исчез за углом.

– Последуем разумному совету, – рассудил Валюженич. – Вот тебе и тайм-аут!..

Из квартиры решили не выходить. Тэд велел консьержу заказать в ближайшем кафе завтрак, после чего запер дверь, скинул со стола все бумаги и аккуратно положил свою находку. При дневном свете меч смотрелся непрезентабельно – костяная рукоять побурела и растрескалась, окислившаяся медь распадалась при малейшем прикосновении, а кожаное покрытие ножен, казалось, вот-вот рассыплется на мелкие лоскутья.

– Стив, делай что хочешь, но меня не трогай, – распорядился американец, поудобнее усаживаясь за столом и вооружаясь скальпелем и лупой. – На полке слева – несколько книг про короля Артура. Газеты в прихожей. Все, начинаю!..

Косухин, опасливо поглядев на нырнувшего с головою в науку приятеля, пролистал газеты на непонятном французском языке, а после чего взялся за книжки. Они тоже не на русском, зато там имелись всяческие картинки, правда, не особо интересные: мужчины в железных доспехах, женщины в странных невиданных платьях. Степе стало скучно. Он рассудил, что это, вероятно, феодалы-эксплуататоры, смотреть на которых не было ни малейшей охоты. Он уже хотел отложить книгу, дабы взять следующую, но увидел еще одну картинку, на этот раз цветную. На ней была изображена битва. Воевали феодалы как-то странно – без всякого порядка и строя. На большом поле, неподалеку от многобашенной крепости, толпа всадников в доспехах лупила друг друга длинными мечами. Косухин прикинул, что надо иметь немалую дурь, дабы прорубить остальные латы. Вероятно, физическая подготовка феодалов была поставлена грамотно.

В центре, на сером в яблоках коне, был изображен некто с маленькой короной, укрепленной на шлеме с глухим забралом, не иначе – король. Монарху приходилось нелегко: его окружало целая дюжина врагов. Еще трое лежали на земле, свидетельствуя, что король был мастак по части рукопашного боя. Степа уже собирался перевернуть страницу, мысленно осудив реакционные нравы феодальной знати, как вдруг его внимание привлекла не замеченная ранее деталь. В руках король держал меч, от которого исходило серебристое сияние. Такое же сияние окутывало золотой венец на шлеме, черные ножны и большой перстень, надетый прямо на железную перчатку.

Косухин прикрыл глаза. Он уже видел такое – в занесенной снегом церквушке и совсем недавно, среди руин старого храма…

– Это Артур.

Степа вздрогнул. Как подошел Валюженич, он даже не заметил.

– Любопытное издание Мэллори. Тут интересные комментарии. Вот…

Тэд, перелистав несколько страниц, медленно прочел вслух:

– «По некоторым ранним свидетельствам, Мерлин, уходя из пределов этого мира, предсказал гибель логров, заявив: „Вы не смогли быть ангелами, но и людьми пробудете недолго – быть вам бесами“»…

– И чего тут интересного? – удивился Степа. – Я уже, чердынь-калуга, с одним лешим беседовал, который с незаконченным высшим образованием.

– Ладно, прагматик! – засмеялся американец. – Пошли посмотрим. Кажется, я что-то нашел…

Он подвел Степу к столу, на котором лежал меч, и взял в руки скальпель.

– Лезвие превратилось в труху, – начал он. – Думаю, его даже вынуть не удастся. А вот ножны… Гляди!

Тэд аккуратно провел скальпелем, счищая тонкий слой ветхой кожи. Затем Степе была вручена лупа. Косухин повертел в руках хитрое буржуйское изобретение, приноравливая стекло к глазам, а затем всмотрелся. Вблизи кожаное покрытие гляделось еще хуже. От него остались лишь чешуйки, каким-то чудом еще державшиеся на основе. Но тут взгляд упал на очищенное Тэдом место, и Косухин замер от удивления: из-под черных лохмотьев проглядывал ровный блестящий слой металла.

– Так это ж серебро, чердынь-калуга! – не удержался он.

– Промахнулись, мой генерал. Серебро окисляется – здесь была бы симпатичная розовая патина. Похоже, сплав, но такого сплава я не встречал…

– Так оно из-за этого светилось?

– Следуя логике – из-за этого. Так что, мистер материалист, никакой мистики. Не удивлюсь, если эта штука может не только светиться и отклонять пули…

Косухин задумался и даже начал тереть лоб, что свидетельствовало о высшем мозговом напряжении. Получалось и вправду складно. Выходит, логры кое-что понимали в защитном вооружении!

– Там, в книжке, где этот Артур… У него тоже меч светится, и ножны…

– А также кольцо и венец, – кивнул Тэд. – Четыре великие реликвии логров. Ну и, конечно, Грааль…

Валюженич рассмеялся.

– Ты чего? – удивился Степа.

– Стив, такая удача выпадет раз в жизни! Если даже это и не ножны от Эскалибура, то все равно – что-то потрясающее…

– Ты сначала этот Грааль найди, – осадил Степа расхваставшегося приятеля.

– Оу, по теории Шарля, его уже нашли, только не распознали. Понимаешь, Стив, Артур был не чистый логр – метис, незаконный сын. Священные реликвии он захватил, но главное святилище – Грааль, – было ему недоступно. Его охраняли настоящие логры – Анфортас и его рыцари…

– А помедленнее можно? – взмолился Степа.

– Извини! Поэтому Артур и посылал своих рыцарей на поиски Грааля. Никто из них не добрался, кроме Персиваля, который по мнению Шарля, был чистым логром. Ну, а сам Грааль, возможно, – обыкновенный каменный круг, каких в Бретани и на западе Англии полным полно. Дело не в камнях, а в тех, кто умеет ими пользоваться… Потом Артур погиб, реликвии частично пропали, а логры ушли в леса и там одичали…

– А когда, чердынь-калуга, они соберут все эти побрякушки вместе, тогда и свету конец наступит, – подытожил Степа. – Ну и поповщину ты развел, Тэд! А

еще образованный.

– Это не я. Это все Шарль, – не обиделся Валюженич. – И речь идет не об Апокалипсисе, а о возрождении логров, которые снова смогут стать…

– …Ангелами, чердынь-калуга, – Степа скривился. – Ох, Тэд, ну и сору у тебя в башке!

После шести, когда Степа и Тэд подумывали спуститься в кафе и перекусить, в дверь позвонили. Валюженич отправился открывать, но Степа, жестом остановив его, достал револьвер.

– Кто? – поинтересовался Тэд.

– Женераль Богораз! – сообщили в ответ. Степа кивнул, и американец открыл дверь.

Генерал был в поношенном штатском костюме и модном кепи. Револьвер был спрятан умело, обнаружить его мог только опытный Степин глаз.

– Здравствуйте, господа! – Аскольд Феоктистович перешел на русский. – Степан Иванович, представьте меня…

Процедура знакомства не заняла много времени. Генерал отказался пройти в комнату и сразу приступил к делу:

– Степан Иванович, мы едем к Бергу. Пора выяснить, что там у него происходит. Вы присоединитесь?

– Ясное дело! – Степа сунул револьвер за пояс и застегнул пиджак. – Тэд, я пошел.

Валюженич недвусмысленно покачал головой и показал два пальца.

– Там нужны военные, – Богораз поглядел на необстрелянного штафирку весьма недоверчиво. – Господин Валюженич, мы доставим вам вашего друга в целости и сохранности.

Тэд не ответил, быстрым движением переместившись к двери и заслонив собой проход.

– Как хотите, – пожал плечами генерал. – Будет весьма жаль, если с гражданином Северо-Американских Штатов случится какая-нибудь неприятность…

– Весьма жаль, – согласился Валюженич, всем своим видом показывая, что дискуссия окончена. Генерал неодобрительно взглянул на американца, но возражать не стал.

Внизу их ждал памятный Степе автомобиль. Кроме шофера в нем было еще одно знакомый капитан, которого его товарищи называли Виктором. Шофер никак не реагировал на новых пассажиров, а капитан поздоровался с Косухиным самым дружеским образом, как будто они вместе только что побывали на пикнике.

Авто тронулось с места, Богораз, сообщив офицерам, что «господа Косухин и Валюженич» примут участие в операции, стал рассказывать.

…Сразу после того, как Степу чудом не отправили на дно Сены, за Бергом было установлено наблюдение. Целый день обитатели особняка на улице Гош-Матье вели себя обычно. Берг, правда, не выходил из дому, Наташа же и Гастон съездили в институт Кюри, где оба работали, а вечером сходили на выступление труппы Дягилева. Но уже на следующее утро шофер Берга подогнал к особняку автомобиль-фургон, куда погрузили какой-то ящик. Еще один автомобиль – небольшой, на котором часто ездила Наташа – направился к Ситэ, где ему удалось оторваться от наблюдения, но вскоре вернулся, после чего в оба автомобиля уселись Берг, Гастон и пятеро людей из обслуги особняка – все с оружием. Авто проехали через центр, где ушли от наблюдения и скрылись.

Берг приехал через два дня, но уже на одном автомобиле. Второе авто и трое охранников куда-то исчезли. Берг, Сен-Луи и двое оставшихся с трудом втащили ящик в дом, при этом было заметно, что Гастон сильно хромал…

Степа и Валюженич переглянулись. Где искать брошенный автомобиль и троих в черных смокингах, они вполне представляли.

На следующий день Берга и Гастона видели в центре Парижа, после чего оба исчезли. Сейчас в особняке тихо, ставни закрыты, на телефонные звонки никто не отвечает.

– Так значит… – Степа секунду-другую размышлял стоит ли кое-что рассказать генералу, но в конце концов решился. – Мы тоже кое-что видели…

Он вкратце поведал о путешествии в Бриньоган, опустив некоторые яркие подробности.

– Не понимаю, как они нас выследили, – добавил Валюженич. – Дорога была совершенно пуста…

– Господин Берг – мастер, – неопределенно ответил генерал. – Ладно! Сейчас мы во всем разберемся. Если Берг все же предатель…

На улице Гош-Матье было пустынно, лишь редкие прохожие не спеша шли по своим делам. Возле дома Берга стоял автомобиль. Как только авто генерала затормозило, оттуда вышел поручик со шрамом.

– Все тихо, ваше превосходительство, – доложил он. – Из дому никто не появлялся, свет не зажигали…

– Хорошо, – Богораз решительно распахнул дверцу. – Начинаем. Прошу господ штатских выполнять мои указания.

Валюженич понял намек, но дисциплинированно смолчал.

– Степан Иванович, не желаете рискнуть?

Косухин кивнул и вышел из машины.

– Оружие прячете профессионально, одобряю… – усмехнулся генерал, бросив быстрый взгляд на Степу. – Но стрелять – в крайнем случае.

Они пересекли улицу и поднялись по ступенькам. Генерал позвонил в дверь, затем огляделся и кивнул Степе. Тот понял и стал справа – в этом случае выстрелы не должны его задеть. Богораз отошел левее.

Прошла минута, другая. Косухин подумал, что Богораз прикажет ломать замок, но внезапно дверь отворилась. Степа подался назад и замер. На пороге стояла Наташа.

– Господин… Косухин, я не ошибаюсь? – в голосе чувствовалось удивление. Тут она обернулась и увидела генерала:

– Аскольд Феоктистович! Слава Богу! Я так волнуюсь… Вы не знаете, где дядя?

Богораз и Степа переглянулись.

– Они с Гастоном куда-то уехали. Я в доме одна… Как хорошо, что вы заглянули!..

– Разрешите войти?

Генерал оглянулся и кивнул своим людям. Офицеры вышли из машины и быстро направились к крыльцу. Сзади шел Валюженич. Наташа удивленно поглядела на генерала:

– Аскольд Феоктистович…

– Мы все объясним, – пообещал Богораз, и растерянная Наташа повела гостей в дом. Они прошли в гостиную, где на стенах висели весьма странные, на Степин вкус, картины – черные и красные многоугольники, помещенные прямо на негрунтованном холсте. Косухин вспомнил, что знаком с самим Ингваром, который не чета этим мазилам, и мысленно возгордился.

– Присядем, – генерал кивнул, и все трое устроились в глубоких креслах, обитых темной тканью. – Наталья Федоровна, вынужден вам сообщить, что мы все попали в… гм-м-м… достаточную сложную ситуацию…

– Что-нибудь с дядей? – испугалась Наташа. – Или с Гастоном? Знаете, с того вечера, как здесь появились вы, господин Косухин…

– Расскажите нам все, – перебил генерал.

Девушка нерешительно взглянула на Степу. Богораз понял:

– Степан Иванович осведомлен о наших делах. Он брат полковника Лебедева.

– Правда? – Наташа изумленно взглянула на Степу. Тому стало не по себе. Вспомнился заснеженный Иркутск, пустая комната – и девушка, закутанная в шаль, просящая его, красного командира, найти пропавшую кошку…

– Вы – брат господина Лебедева? Горжусь, что познакомилась с вами! Как жалко, что я ни разу не встречала Николая Ивановича…

…Перед глазами у Степы встала холодная степь, костер у подножия поросшего сухими колючками холма, Наташа, сидящая рядом с Николаем…

– Но тогда я ничего не понимаю… – девушка нервно рассмеялась. – Аскольд Феоктистович, наверное у меня до сих пор что-то не в порядке с психикой! Несколько дней назад я слышала, как дядя велел вам ликвидировать господина Косухина! Я даже, признаюсь, пыталась предупредить…

…Степа вспомнил испуганный взгляд Наташи, ее слова об «офицерах». Значит, ему не почудилось…

– Вы поступили верно, – спокойно ответил Богораз. – А мы были введены в заблуждение. Что было потом?..

– Потом… Потом вы позвонили, и я поняла, что нашего гостя уже нет в живых. И признаться, еле удержалась, чтобы не заявить в полицию…

– Наталья Федоровна, мы просто ошиблись, – мягко повторил Богораз.

– А если бы не ошиблись? Если бы господин Косухин действительно был чекистом?

Генерал ответил не сразу.

– Я отвечаю за безопасность программы, – наконец вздохнул он. – И за вашу безопасность тоже… Что было дальше?

– Дядя работал в лаборатории. Ближе к вечеру ему позвонили, и он вдруг приказал Гастону собираться. Затем он забрал всех людей и куда-то уехал… Вчера утром вернулся – и снова ушел, ничего не объяснив. У Гастона что-то случилось с ногой… Они очень спешили. Сутки я здесь одна. Хотела выйти, но заметила, что за домом следят…

– Это были мои люди, – кивнул генерал. – Вы не знаете, куда мог уехать ваш дядя?

– Не знаю… И совершенно не понимаю, почему от меня что-то скрывают!

Наташа замолчала. Богораз немного подумал, а затем как бы невзначай поинтересовался:

– Наталья Федоровна, Тускула на связь не выходила?

– Нет… – поразилась девушка. – Ведь «Мономах» так и не взлетел!

…Степа вспомнил взволнованную Наташу возле входа в рубку управления, окутанную паром серебристую стрелу, уходящую в небо… Неужели можно это забыть?

– Вы… – он хотел сказать «Наташа», но вовремя одернул себя. – Наталья Федоровна совсем… Ну, это… не помните?

– К сожалению, – девушка отвернулась. – Врачи обещают постепенное восстановление, но пока я помню лишь, как уезжала в Россию, а потом – клинику в Париже. Я знаю, меня привез во Францию господин Валюженич. Он такой… такой… Забавный…

И Наташа внезапно улыбнулась.

– Да уж, не Гастон, чердынь-калуга! – не выдержал Степа. Генерал укоризненно покачал головой. Наташа побледнела:

– Я бы просила, сударь, в этом доме не говорить в подобном тоне о моем женихе. Господин де Сен-Луи – выдающийся ученый и не вам чета!

«Да уж конечно!» – отпарировал Степа, но не вслух, а про себя. Похоже, Наташа действительно не знала, чем занимается мсье де Сен-Луи в свободное от науки время.

– Ваше превосходительство! – на пороге стоял капитан. – Мы осмотрели дом. Пусто. Только дверь в подвальное помещение закрыта.

– Могли бы поверить мне на слово, – вздохнула Берг. – Это дверь в лабораторию. Там замок с шифром.

– Откройте, Наталья Федоровна. – Богораз встал и кивнул Степе.

– Но… Там же установка «Пространственный Луч»!

– Тем более. Следует взглянуть.

Наташа некоторое время молчала, словно собираясь возразить, но затем резко встала и, не сказав ни слова, вышла из комнаты. Остальные последовали за ней. Прямо за дверью девушка наткнулась на Валюженича, тот отшатнулся, нерешительно пробормотав: «Гуд ивнинг…». Наташа невольно улыбнулась и снисходительно бросила: «Добрый вечер, сударь».

– Стив, я тут все осмотрел! – Тэд поравнялся с Косухиным и быстро заговорил по-английски. Степа, такого не ожидавший, сперва ничего не понял, но затем собрался с мыслями, и постепенно слова приятеля стали приобретать смысл:

– Этот Берг – отчаянный коллекционер! Здесь у него столько артефактов! Он, наверное, ухлопал на них уйму денег!..

– Да, видать, что не пролетарий, чердынь-калуга! – согласился Косухин. – Эх, в чеку бы его, да к товарищу Чудову!

Мысль была хороша – в ВЧК Бергу самое место, но и Прову Самсоновичу пришлось бы изрядно повозиться с подобным вражиной.

Они спустились в подвал и очутились перед большой, из кованой стали, дверью.

– Отойдите, – велела Наташа. – Я наберу шифр.

Через минуту дверь медленно отворилась.

– Всем оставаться на местах, – генерал обернулся и кивнул Степе. – Мы войдем вместе с господином Косухиным.

– Но вы же знаете правила!.. – возмутилась Берг. – Там установка…

Генерал не ответил и, вновь кивнув Степе, перешагнул порог. Косухин задержался: дверь внезапно привлекла его внимание.

– Чердынь-калуга! – не удержался он. – А дверь-то изнутри закрывается!

– Конечно, – удивилась девушка. – Дядя всегда запирается, когда работает.

Богораз, бывший уже за порогом, обернулся.

– А все-таки странно, Наталья Федоровна. Насколько я понимаю, даже если дверь заперта на замок, ее можно открыть изнутри, причем – смотрите – простым поворотом рукоятки…

Наташа лишь развела руками, не придав этой детали особого значения. Но Косухин поневоле задумался. Чтобы закрываться в лаборатории, Бергу вполне достаточно поставить на дверь засов. Хитрое устройство явно предназначалось для того, чтобы открывать дверь изнутри, после того как ее по всем правилам заперли снаружи. Причем открывать одним движением руки…

– Господин Косухин, заходите! – вновь позвал Богораз. Степа поневоле почувствовал некоторую робость, однако собрался с силами и храбро перешагнул порог. Он никогда не бывал в научных лабораториях, но почему-то

представлял их именно так: масса приборов, мигающие лампочки и, конечно, пуды всякой научной писанины.

Помещение оказалось большим, квадратным, пол сверкал свежим кафелем, а стены были выкрашены в ровный серый цвет. Косухин почему-то ожидал увидеть хотя бы один портрет – какого-нибудь уважаемого интеллигента с пышной бородой или, на худой конец, Николая II. Он знал, что все образованные обожают портреты. Но стены были пусты, за исключением нескольких наскоро прикрепленных листов ватмана, расчерченных каким-то схемами и графиками.

Около стены, находившейся прямо против входа, стояло три стола. На одном, как и ожидал Степа, стояли какие-то приборы, другой горбился от тяжести папок с бумагами, а вот третий был отчего-то девственно чист. На нем приютилась лампа под зеленым абажуром, из чего даже неопытный следователь мог догадаться, что именно здесь работал Берг. Но сейчас на столе не лежало ни одной бумажки, массивные ящики были наполовину выдвинуты и пусты.

То, что было справа, показалось Косухину куда более интересным. Почти всю стену занимало нечто вроде огромного металлического шкафа, по всей поверхности которого размещалось столько лампочек, верньеров и кнопок, что Степа оказался полностью удовлетворен увиденным. Похоже, этот железный шкаф и был здесь самой важной вещью. Слева от него на стене размещался рубильник, рядом стояла большая электрическая печь. Справа находилась вделанная в стену ниша в человеческий рост, над которой были укреплены несколько лампочек. Внутри ее покрывал тусклый светлый металл. Ниша была пуста.

Приглядевшись внимательнее, Косухин сообразил, что с металлическим шкафом что-то не так. Ни одна из лампочек не горела, стрелки приборов бессильно склонились к нулям. Это еще можно было понять, но в некоторых местах металл оказался снятым, отчего обнажились голые искривленные проводки, а вместо приборов зияли черные отверстия. Налицо был явный непорядок.

Богораз заметил это сразу. Когда Степа вошел, он был уже возле установки, методично разглядывая блок за блоком. По тому, как сразу напряглось его обычно невозмутимое лицо, Косухин сообразил: с «Пространственным Лучом» что-то не так.

– Установка размонтирована!.. – Наташа, стоя на пороге, тоже увидела случившееся. – Господи, кто это сделал?

Она подбежала к генералу, и они принялись осматривать приборы уже вдвоем.

Степа, решив не мешать, отошел в сторону. Будь у него образование получше, он бы не преминул изучить всю здешнюю машинерию ради нужд Мировой Революции. Но проклятый царизм лишил его такой возможности, посему Косухин решил действовать иначе. Через минуту он был уже возле стола с бумагами и держал в руках верхнюю папку. Увы, и тут вышла загвоздка. Писано было не по-русски, а если и по-русски, то вперемешку с какими-то цифрами. Встречались и чертежи – но уж больно мудреные.

– Разобрались, молодой человек? – генерал тоже подошел к столу, в его голосе звучала знакомая ирония. Степе даже показалось, что он слышит голос хитрого притворщика Семена.

– Нет, конечно, – Косухин ответил неожиданно серьезно, как никогда бы не стал отвечать Семену Аскольдовичу. – Я ведь необразованный, господин генерал. Четыре класса…

Очевидно, Богораз что-то понял, его тон сразу изменился:

– Не хотел вас обидеть, господин Косухин. Но можете не стараться, это не те бумаги. Они не имеют прямого отношения к лаборатории.

– Это старые дядины черновики. – Наташа быстро перебрала папки и растерянно поглядела на своих спутников. – И черновики Гастона… Зачем дядя их сюда принес?

– Какие бумаги пропали? – генерал уже все понял и тоже положил ненужные папки на место. Теперь он смотрел не по сторонам, а под ноги, о чем-то напряженно размышляя.

– Все… – голос девушки упал почти до шепота. – Лабораторный журнал, рабочие записи, наблюдения за работой установки. Пропала рукопись профессора Глазенапа – мы ею все время пользовались. Все письма, все чертежи…

– Значит, установка размонтирована, основные приборы сняты, а документация увезена или уничтожена… Наталья Федоровна, вы понимаете, что произошло?

– Лаборатории «Пространственного Луча» больше нет. – Наташа справилась с волнением, слова прозвучали ровно и бесстрастно. – Наверное, мне полагается теперь застрелиться. Не знаю, что случилось, но я была обязана это предотвратить.

– Полно, Наталья Федоровна, – генерал вздохнул, в глазах его промелькнуло странное выражение – усталости и даже отчаяния. – Мы все доверяли господину Бергу. Увы, теперь уже поздно…

– Вы думаете, это дядя? Но зачем? Ведь это же не восстановить за десять лет!

Наташа пошатнулась, еле устояла на ногах и бессильно опустилась на пододвинутый Богоразом стул. И тут только до Степы дошел смысл случившегося. Он еще раз оглядел разоренную лабораторию, бледного, не похожего на себя Богораза, Наташу, уткнувшуюся лицом в сцепленные руки…

– Значит, теперь… – он хотел сказать о брате, но язык не повернулся. – Те, кто на Тускуле? Они…

– Мне очень жаль, – генерал говорил медленно, слова подбирались с трудом. – Это единственная установка «Пространственного Луча» – вторая была в Пулково под Петербургом, но она демонтирована еще в 17-м. Если Семен… Семен Аскольдович не смонтирует установку на Тускуле…

Он не стал договаривать, но все и так было ясно.

– А он… Ну, Семен Аскольдович, имеет эти… запасные части?..

– Нет. Мой сын… – голос Богораза оборвался, ему пришлось начать снова: – Аппаратура, которая была на борту «Мономаха», рассчитана лишь на создание простого приемного устройства. Но я знаю Семена. Он сумеет… Однако может пройти не один год….

Косухин вспомнил сумерки за стеклами кабины, желтую степь под крыльями «Муромца», и Богораза-младшего, уверенно державшего штурвал. Запомнилось лицо – неузнаваемое, без дурацких фальшивых очков, с неожиданными складками у рта казавшегося раньше безвольным человека. И Степа вдруг поверил, что Семен сумеет что-нибудь придумать. Если, конечно – этого говорить при генерале не следовало – Руководитель Проекта жив…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/valentinov_andrey/nesuschiy-svet

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить